

КАРИ ХОТАКАЙНЕН

[80]

ИЛ 9/2009

Красная волчанка

Пьеса

Перевод Анны Сидоровой и Александры Беликовой

Действующие лица

ПЕККА, проводник

ЭЛИНА, инструктор в автошколе, жена Пекки

ХЕЛЬМИ, пенсионерка, мать Пекки

СЕППО, позолотчик, брат Пекки

КАТЯ, лаборантка

МАРТИ, пастор

КАРИНА, консультант по усыновлению

Действие первое

Пролог

Окраина Петербурга. Квартира Кати. У двери стоит Пекка.

КАТЯ. Кто там?

ПЕККА. Eta Pekka.

КАТЯ. Я такого не знаю. Какой еще Пекка?

ПЕККА. Izvinite Katja.

КАТЯ. Говорите по-фински.

ПЕККА. Прости меня, Катя. Прости.

Свет гаснет.

Элина выходит на сцену.

Элина. История и ее главные герои. Моя свекровь.

Входит Хельми.

Хельми. Сколько старую вещь ни латай, новой не станет. Раз уж ржавчина пошла, считай, всё. У моего мужа-покойника был “форд эс-корт”. Так вот кузов по низу начал ржаветь. Он его зачистил, покрыл антикоррозийкой, но не прошло и двух лет, как ржавчина снова вылезла, правда уже в другом месте. Всё со временем изнашивается. Вот и я теперь как тот “эс-корт”.

Элина. Мой муж.

Входит Пекка.

Пекка. Вместо того чтобы идти по тропе, я выбрал болото. Натуральному дереву предпочел пластик. Вместо того чтобы глядеть на солнце, я смотрел только на выписки из банка. Зачем мне все это?

Элина. Брат моего мужа.

Входит Сеппо.

Сеппо. Коммунизм, мачизм, туризм, нудизм, популизм, атеизм, социализм, капитализм, терроризм. Вон их сколько. Верь во что хочешь. Я же лично верю в то, что во всяком возрождении самое главное — прочная основа.

Элина. Марти.

Входит Марти.

Марти пытается сказать что-то, но не может, устал.

Элина. Карина.

Входит Карина.

Карина. У меня хорошая жизнь. Это, конечно, мое личное мнение. Один гитарист сказал, что мнение, как анальное отверстие, у каждого свое собственное и только одно. Я бы не стала, конечно, так грубо. Но я благодарна судьбе, что живу в стране, где любое мнение можно свободно высказать.

Элина. И Катя.

Входит Катя.

Катя. Пожалуй, мне вообще не стоило сюда приезжать. Я испытываю слабость к помещениям, где центральное отопление всегда в порядке.

Все, кроме Элины, уходят.

Элина. Такая вот мозаика. В прошлом году мне на Рождество подарили пазл на тысячу с лишним элементов, и я сидела над ним все праздники. Это был горный пейзаж, и больше половины занимало синее небо. Небо оказалось самым трудным. Небо — всегда самое трудное. Некоторым удастся разделить свою жизнь на отдельные периоды. Время до гибели принцессы Дианы и время после нее. Время до крушения “Эстонии” и после него. У меня это никогда не получалось, но теперь должно получиться. Все началось в октябре, третьего числа. Я сидела на скамейке перед Социальной службой, мой муж опаздывал.

Сцена первая

Возле комитета по усыновлению

Элина сидит и нервно поглядывает на часы. Вбегает Пекка. У него в руках карта.

Пекка. Я видел его вот здесь.

Элина. Где твоя куртка?

Пекка. Послушай. Вот здесь я его видел.

Элина. Шшш... здесь же люди. Кого видел?

Пекка. Христа. Иисуса.

Пауза.

Элина. Чучело! Послушай, хорошая же была куртка. Кожаная.

Пекка. Там, на финско-русской границе, сразу за Вайниккалой, еще до паспортного контроля, где нет никого. Потому и куртку отдал еще на вокзале, нищим. Потому что Бог есть.

Элина. Я тоже сегодня с утра страшно расстроилась. Надо было купить крем для лица за пять евро, а я почему-то купила за сорок.

Пекка. Это был даже не образ, а словно один только свет.

Элина. Я хочу, чтобы ты сел и послушал. Если нас возьмут в эту программу по усыновлению, то нам надо будет оформить документы на тот универсал.

Пекка. “Мондео”? В такой, глядишь, и проститутка влезет.

Элина. Что?

Пекка. Ничего, теперь ты послушай. Это длилось всего миг, секунд десять, не больше. Но я успел понять, что можно жить по-другому. Помнишь, ты сказала тогда в турецкой бане в “Кумулусе”, что мы равнодушные обыватели, у которых нет никакой цели в жизни. Но на самом деле это не так. Меня уже давно что-то мучает внутри.

Элина. И голос свыше сказал, что если ты не изменишь свою сраную жизнь, то отправишься прямиком в ад. Да?

ПЕККА. Все не так просто.

ЭЛИНА. Что ж тут непростого?

ПЕККА. Да все.

ЭЛИНА. Ты же не веришь в Бога! Ты обычный проводник поезда Хельсинки—Питер. Наверняка даже в церкви никогда не был. Тебе надо проспать.

ПЕККА. Если бы я нашел на путях мешок денег, ты б меня по-другому слушала!

ЭЛИНА. Шшшшш!

ПЕККА. Это точно, сидела бы сейчас, разинув рот, и пускала слюни, но я нашел кое-что другое, нематериальное, и тебе плевать!

ЭЛИНА. Нам предстоит принять важное решение.

ПЕККА. Усыновление здесь ни при чем.

ЭЛИНА. Как ни при чем? Сейчас как раз наша судьба решается.

ПЕККА. Он ничего не сказал, просто стоял на опушке и смотрел на меня.

ЭЛИНА. Чучело. Надеюсь, это быстро пройдет — неделька в санатории, и будешь как новенький. Что с товаром? Привез?

ПЕККА. Привез. И еще вот маленький подарок.

Дарит Элине украшение.

ЭЛИНА. Неужели все так хорошо вышло?

ПЕККА. Я об этом тоже подумал...

ЭЛИНА. Слышишь, зовут, наша очередь. Не думай об этом. Тебе надо поспать.

ПЕККА. Но я ведь только что проснулся.

Свет гаснет.

Элина остается на сцене.

ЭЛИНА. Я работаю инструктором в школе вождения, и для меня весь мир как карта дорог. Вот мы приближаемся к перекрестку, включаем поворотник, смотрим в одну сторону, в другую и давим на газ. Едем по своей полосе с одной скоростью, без резких движений, не тормозя и не газуя понапрасну. Учитываем то, как ведут себя на дороге другие. Но некоторые не могут ждать, они чешут через перекресток на бешеной скорости, какие уж там поворотники, улетают прямо в поле и орут оттуда, что там якобы дорога лучше.

Входит СЕППО.

ЭЛИНА. А это, между прочим, Сеппо. Он только что вернулся из промозглого Питера в дождливый Хельсинки. Сеппо золотит купола, он позолотчик.

Входит ПЕККА.

ПЕККА. Добро пожаловать в Финляндию!

СЕППО. Ты что натворил! Здесь же ничего нет, гараж пустой! Где то-вар?

ПЕККА. Нету. Я все раздал. Контрабанды больше не будет.

СЕППО. Не ври!

ПЕККА. А я и не вру. Не будет, и всё. Я раздал все иконы. Пенсионерам, еще в районе Выборга, а остальные — уже здесь, в Финляндии.

СЕППО. Но кто дал тебе право? И вообще, что за шутки?

ПЕККА. Прежний образ жизни был для нас тяжким бременем. И только теперь мы обрели под ногами твердую почву. Мы бессовестно пользовались страной, погруженной в хаос. На деньги от продажи икон мы покупали себе путевки на курорты, круизы на Крит, одежду, картины и прочие мирские блага. Мы жили неправильно, мы выбрали не ту дорогу. Но теперь нам предстоит новый путь, он узок и тернист, но зато мы будем гораздо ближе друг к другу. Вместо шоссе нас ждет лесная тропа. Даже дети считают, что идти по тропе гораздо приятнее. Я верю, Иисус всей своей жизнью доказал нам, что алчность и поклонение земным благам не на пользу человеческой душе.

СЕППО. Так ты, сволочь, значит, уверовал?

ПЕККА. Скажу только, что я нашел нечто новое и именно поэтому решил раздать все иконы.

СЕППО. Ты должен мне три тысячи евро за эту последнюю партию. Я ведь место для реставрационной фирмы уже застолбил. На углу Мекелинкату и Мусеокату. Аванс заплатил.

ПЕККА. Нас наверняка включат в программу по усыновлению. У нас будет ребенок. Ты станешь дядей!

СЕППО. Ты меня вообще слышишь?!

ПЕККА. Ты еще поймешь, насколько я прав.

Пауза.

СЕППО. Надеюсь, это пройдет.

ПЕККА. Что?

СЕППО. Ну, это... Как его... Твоя “вера”.

ПЕККА. Это же не мигрень. Похоже, ты так ничего и не понял.

СЕППО. И не я один.

ПЕККА. Но ты ведь тоже верил, вспомни, когда был активистом у левых.

СЕППО. Я верил в разум и в систему. А ты, дурак, веришь в то, чего нет.

И потом, разве я раздавал чужие деньги направо и налево? Разве я подарил твой “ниссан” безработному соседу? Нет!

ПЕККА. Ты закончил?

СЕППО. Я даже еще и не начал.

ПЕККА. А-а-а.

СЕППО. Хочешь что-то добавить?

ПЕККА. Нет.

СЕППО. На чем я остановился?

ПЕККА. На левых активистах.

СЕППО. Да, я вступил в партию, но не потерял голову!

ПЕККА. Моя голова на месте, брат. А жизнь Иисуса и его учение очень близки идеям социализма.

СЕППО. Каким боком?

ПЕККА. Ну как же! Раздать всем поровну, он об этом ведь говорил.

СЕППО. Кто?

ПЕККА. Ну, он. Этот, как его... Иисус.

СЕППО. А ты?

ПЕККА. Что я?

СЕППО. Ты ведь не поровну раздал, ты всё отдал!

ПЕККА. Разберись сначала со словом “всё”, а уж потом рассуждай о том, что значит “отдать”. Это должно быть соотнесено с общественным... э-э-э... контекстом, что ли... ну, в общем, с ним.

СЕППО. Да, в Петербурге я только и мечтал что о таких высокодуховных разговорах.

ПЕККА. Конечно, если бы я вступил в Партию зеленых или в любую другую партию, то ты бы и слова не сказал, а здесь...

СЕППО. Вот именно! Лучше бы ты подписал какой-нибудь адрес в защиту луговых вальдшнепов или привязал себя цепями к какому-нибудь дряхлому дереву, но держал бы свои ручонки подальше от нашей общей собственности и от моего капитала.

ПЕККА. Ты, брат, все сводишь к материальному. А я увидел свет там, где уже и быть-то ничего не должно, — в сердце. Совесть это или еще что-то? Но только никакая традиционная социальная демократия с этим не сравнится. Это что-то едва осязаемое, но в то же время очень явное... А дыма, брат, без огня не бывает...

СЕППО. Слушай, философ местного пошиба, а я ведь безработный.

ПЕККА. Ты? Нет. Не может быть...

СЕППО. Позолота куполов закончилась, как только Питер отпраздновал свое трехсотлетие, а теперь и здесь... У местной православной церкви нет денег на новую позолоту, даже для собора, название которого спяну и не выговоришь.

ПЕККА. Успенский кафедральный?

СЕППО. Угу.

ПЕККА. А разве не было договоренности?

[86]

ил 9/2009

СЕППО. Была, была! Но ситуация изменилась. Они несколько раз пытались до меня дозвониться, но я же на работе, у меня телефон отключен.

ПЕККА. Удары судьбы облагораживают душу. Да и умелые руки нужны всегда. А потом ты все равно скоро станешь крестным!

СЕППО. Исчезни!

Сцена третья

В парке

ХЕЛЬМИ и ПЕККА.

ХЕЛЬМИ. Бога нет. После смерти ничего не будет. Важно только то, что до нее.

ПЕККА. Не будь такой категоричной.

ХЕЛЬМИ. Я Хельми, и этим все сказано. Судака купил?

ПЕККА. Купил.

ХЕЛЬМИ. Свежий?

ПЕККА. Запеку в духовке. Так будет полезнее.

ХЕЛЬМИ. И не надо мне рассказывать про эти чертовы пустыри в Вайниккале... мы с твоим отцом-покойником сто раз там бывали и из окна на них тарасились. Ничего там не было и нет!

ПЕККА. Но есть другой, невидимый мир. И ты уже на пути к нему.

ХЕЛЬМИ. Ни на каком я не на пути, я вообще сама по себе. Я после шунтирования сказала тому врачу, что, вновь заштопанная, теперь не буду размениваться на всякую низкооплачиваемую мелочовку. Ты был так поглощен самим собой, что, когда пришел меня забирать, сразу спросил о Боге, а не о том, как я себя чувствую.

ПЕККА. Мама, пришло время поговорить откровенно. Если начинать с юности, то в лицее мы гнали самогон вместе с братьями Хельминен. А еще я курил травку...

ХЕЛЬМИ. Что?

ПЕККА. Наркотики, но только гашиш. Я не подсел, но сволочь из меня получилась еще та. Приворовывал, сначала в кафе, потом в магазине. Пытался силой отнять у Лены...

ХЕЛЬМИ. Что отнять?

ПЕККА. Самое дорогое, что у нее было, но до изнасилования не дошло, зато дрочил я так, что впору было идти к сексопатологу, хотя мы тогда таких слов даже и не знали. Теперь, когда мы стали взрослыми, обманы, подделки и кражи стали обыденными вещами, на-

чиная с жульничества в продуктовом магазине и заканчивая спекуляцией железнодорожными билетами

Хельми. Ты уверен, что я должна все это сейчас слушать?

Пекка. Это еще не все. Я обманывал, занимался контрабандой, завывшал сумму штрафа для безбилетных пассажиров...

Хельми. Контрабанда?

Пекка. Не в этом дело... вернее, не только в этом... я часто заглядывался на женщин, последний раз на Рождество я так таращился на задницу жены Сихвонена, что это вполне можно считать прелюбодеянием, пусть даже до конечной станции поезд и не дошел...

Хельми. Что за контрабанда?

Пекка. Да что ты привязалась! Взгляни-ка на этот список, вот она — жизнь твоего сына! А если бы отец был жив, что бы он включил в свой список?

Пауза.

Хельми. Ты о чем?

Пекка. В чем он признался перед самой смертью?

Хельми. Откуда я знаю? Ты последний, кто с ним разговаривал.

Пекка. Он был не более разговорчив, чем остальные финские мужики.

Хельми. Ну и хорошо. У нас ведь что снаружи, то и внутри, ничего не таили. Тайсто носил рубашки в сине-красную клеточку и серые штаны, и человеком был таким же — сине-красно-серым. Демократом до мозга костей. А ты? Контрабандист?

Пекка (*протягивая Хельми иконку*). Это единственная, которую я честно купил, возьми, она твоя. Мы с Сеппо много лет незаконно возили сюда иконы из Питера.

Хельми. Вы... и Сеппо тоже?

Пекка. Голова кружится?

Хельми. И да, и нет. Дай мне таблетку из синенькой коробочки. Что ты сказал? Врач прописал мне успокоительное. Я вчера приняла, и сразу все вокруг выровнялось. Ничего не чувствовала. Это нехорошо. Равнина хороша в природе, а в голове — нет.

Пекка. Вот и я о том же! И у меня теперь словно глаза открылись, да так широко, что я могу увидеть весь мир, мой ум открыт всему новому, и мне порой кажется, что у меня теперь не пять органов чувств, а шесть или семь, я все чувствую...

Хельми. А Элина знала?

Пекка. Понемногу привыкла. Мы вывозили кресты и иконы, самые важные, на которые старухи больше всего таращились. Везли отовсюду. Да уж, нелегко бывало. Одна в спешке так и осталась на стене, снять не успели, до сих пор жалко, то есть нет — не жалко... но тогда спрос был на все... один владелец таксопарка из Лоймаа пожелал иметь икону в серебряном окладе, и чем старше, тем лучше, такие дела... На заказ привозили все что угодно. Да и чего

сложного, смутное время было: империя распалась, общество в хаосе. И мы — свободные финны в свободной России.

Хельми плохо, у нее кружится голова.

[88]

ил 9/2009

Пекка. Мама...

Хельми. Вот так значит... наши детки в миру... небо, что ли, покачнулось... или земля?

Пекка. Мама... что с тобой?

Хельми. Яркий свет и темнота, надо же, и то, и другое... и вы с Сеппо идете по широкому полю, залитому солнцем... откуда вам знать, какое там, в подвале... вам, детям света!.. А теперь — контрабандисты... Я вскормила чудовищ. Мы с Тайсто строили для вас этот мир, эту страну...

Хельми швыряет иконку на землю, та раскалывается.

Пекка. Что ты наделала?..

Хельми. Не нужны мне твои ворованные иконы!

Пекка. Я принес ее как символ новой жизни!

Хельми. Уйди! Твоя вера слепа.

Пекка. Неправда, и я не уйду.

Хельми. В полицию уже заявил?

Пекка. Нет. Пока.

Хельми. Собираешься?

Пекка. Посмотрим.

Хельми. Только не строй из себя Иисуса.

Пекка. Сама же сказала, что Бога нет. Так отчего же ты боишься, что я назовусь его сыном?

Хельми. Оттого и боюсь. Что возмнишь себя тем, кого нет. Давай сюда рыбу. Я одна пойду домой.

Пекка собирает обломки иконы.

Пекка. Еще можно склеить.

Хельми. Ее, пожалуй, да.

Темнота. Появляется Элина.

Элина. Девочка или мальчик, волосы темные или светлые, дитя подворотен или дар Божий — все равно. Я годами наблюдала за тем, как угасают старики, одного мы похоронили, о другой заботимся до сих пор. Вы, конечно, посмотрите и скажете, что мне не на что жаловаться в этой жизни: крыша над головой есть и на хлеб всегда найдется что положить. Но ведь это с какой стороны посмотреть. Психолог, социолог и журналист решили изучить типичного представителя среднего класса, посмотрели на него и констатировали: ничего не видим.

Сцена четвертая
В доме Пекки и Элины

ЭЛИНА. Женщина из комитета по усыновлению придет к нам трижды. Может, стоит купить на розетки защитные заглушки, а то ведь она сразу подумает, что первым делом ребенок засунет пальчики именно туда.

ПЕККА. Не подумает, она же финка. Может, мне другую рубашку надеть, а то что я вечно в этой клетчатой?

ЭЛИНА. Надень пуловер с вырезом, он подойдет. Здесь буду спать я, здесь — ты, а сюда мы повесим какой-нибудь плакат...

ПЕККА. Например, “Поможем детям Африки!”

ЭЛИНА. А здесь будет спать малыш. Чудесно!

ПЕККА. А здесь могла бы спать проститутка.

ЭЛИНА. Чучело! Пойду посмотрю, готов ли кофе. Что ты сказал?

ПЕККА. Да брось! У нас ведь достаточно места. Даже в сердце.

ЭЛИНА. Для кого?

ПЕККА. Я уже много сделал для этого. Ее нелегко было найти. Если помнишь, я в прошлый раз задержался в Питере на день, это для того, чтобы организовать ее приезд. Она очень милая и прекрасно говорит по-фински, из увлечений назвала классическую музыку и литературу. По специальности лаборантка. Женщина с массой нереализованных талантов, но, к сожалению, мурманская преступная группировка “Черная орхидея”, специализирующаяся на проституции, отняла у нее документы, и поэтому теперь она вынуждена заниматься этой грязной работой в богатых апартаментах в центре Питера. Она скрывается под именем Ирина Аперитив, но вообще-то ее зовут Катя, и она моя сестра, но мама об этом пока не знает.

Пауза.

ПЕККА. Хорошо? Она ведь может к нам приехать?

Звонок. Пекка открывает дверь.

КАРИНА. Добрый день. Меня зовут Карина Лааксо.

ПЕККА. Добрый день.

ЭЛИНА. Добрый... добрый... проходите, садитесь.

ПЕККА. Стул, стул, где ты уснул...

Карина садится за стол, достает блокнот и ручку.

КАРИНА. Мы просто немного поговорим. Я получила ваши бумаги. В основном здесь все понятно, вы хотели бы усыновить ребенка, и именно финского?

ПЕККА. Связь с ребенком — это связь на уровне души, а ее лучше всего выстраивать на родном языке.

Элина. Или через игрушки... чтобы найти контакт... Конечно, игрушки можно было бы взять и у знакомых... но мы решили все купить сами... из экологических материалов... деревянные сейчас очень сложно найти... они дорогие, но мы каждый год откладывали по чуть-чуть, мы называли их "наш льняной счет"... а вокруг плиты мы поставим заграждение... а если он совсем еще маленький, то тогда, конечно, купим шлем для первых шагов...

Карина. Хорошо, но не будем торопить события. Что касается вас самих, ваша бездетность, вы уже психологически пережили эту проблему?

Элина. Угу.

Карина. Угу?

Элина. Мы попытались, но смириться так и не смогли, даже наоборот, я хочу любить, заботиться, смотреть, как он растет, хочу наблюдать за его жизнью. Мы хотим ребенка по очень личным причинам.

Карина. Личные причины в данном случае это очень хорошо. Они самые искренние. Ребенок, свой или усыновленный, — это всегда важное решение. Самое важное во взрослой жизни.

Пекка. Воспитание детей — это ужас что такое.

Элина. Кофе? Чай?

Пекка. У нас начнется новая жизнь. Даже две.

Элина. Вот именно. Нас же двое... Но хватит об этом. Хотите взглянуть на другие комнаты?

Карина. Нет. А что вы подразумеваете под новой жизнью?

Пекка. Я разговаривал со своим внутренним я.

Элина. Он говорит обо мне.

Пекка. И... Хотя, впрочем, вы вообще с Богом знакомы?

Карина. В некотором роде... через бывшего мужа.

Элина. Мой муж, знаете ли... он нашел что-то... ну... как бы это сказать... но ведь доказательств никаких нет... ну то есть его же не видно... в общем, у нас тут, типа, новый подход к жизни...

Пекка. Через бывшего мужа?

Карина. Он священник. Работает здесь, в вашем приходе.

Пекка. Надо же, какое совпадение!

Карина. Но вы говорили что-то о новом подходе к жизни... Это как-то связано с верой?

Элина. Мы с мужем еще недостаточно обсудили этот вопрос...

Пекка. После краха коммунизма западным странам также пришлось пересмотреть свое отношение к рыночной экономике, ее правилам игры и через них к морали. Сейчас же, в новой ситуации, я верю, мы должны найти для нее новые формы.

Карина. Какие же?

Пауза.

Пекка. Возможно, будет лучше, если я расскажу вам об этом в следующий раз, хорошо? Мое излишнее воодушевление может все испортить. И если интерес не остынет к следующему разу, то почему бы и не поговорить. Итак, до следующего раза?

Карина. В следующий раз я приду через две недели. Каждый раз мы с вами будем обсуждать новые детали усыновления.

Элина. В нашем мире существуют только одни часы — биологические. И заряд их, к сожалению, не вечен. Это наш единственный шанс. Может быть, от нас требуется даже больше, чем от, скажем так, обычных родителей.

Карина. Теплой и любящей атмосферы вполне достаточно. И вы, похоже, серьезно обдумали свое решение.

Пекка. Это был долгий путь, эти семена ждали своего часа много лет.

Карина. До свидания.

Пекка. Я хотел только добавить напоследок, что работа меня не утомляет.

Карина. Понятно. Но мы скоро увидимся. До свидания.

Карина уходит.

Элина. Где тот самый Пекка, которого я встретила на фестивале Руйсрок в восемьдесят седьмом году? Ты ли это?

Пекка. И я, и не я.

Элина. Я, пожалуй, пойду прогуляться и дважды обойду Центральный парк, а ты за это время напишешь на бумаге все, что с тобой случилось за последнее время и чего мне еще ожидать в ближайшем будущем. Объяснишь все по порядку, без истерик.

Пекка. Чего ты нервничаешь? Она посмотрела на нас в разных ракурсах.

Элина. Одного ракурса было бы вполне достаточно.

Свет гаснет.

Сцена пятая

Приемная в приходском доме

Элина сидит на стуле, за столом — Марти, приходской священник.

Элина. Я знаю, что все это можно было бы сделать, просто написав письмо. Чтобы выйти из церкви, не надо специально объяснять причин¹, но я хочу, чтобы вы меня выслушали, для меня это важно. Я не верю ни в Бога, ни в его милость, ни в загробную жизнь, ни в спасение и ни в какие другие уловки, которыми ваша органи-

1. В Финляндии для выхода из церкви надо написать специальное заявление: выход из церкви означает отказ от уплаты налога, который платят все члены церкви. (Здесь и далее — прим. перев.)

зация упорно кормит людей на протяжении вот уже пары тысяч лет. Церковь вводит людей в заблуждение. Особенно уставших, всю жизнь свою посвятивших работе. Вы говорите о чудесах, о прозрениях и знахарстве.

МАРТИ. Наше учение отрицает языческие представления, подобные тем, что вы упомянули.

ЭЛИНА. Ладно-ладно, я вообще-то по делу. Могу ли я проконсультироваться у представителя церкви по вопросу, который напрямую не касается веры, или, точнее, касается, даже самым непосредственным образом?

МАРТИ. Что вас конкретно интересует?

ЭЛИНА. Предположим, в какую-то семью или в ее ближайшее окружение собирается приехать проститутка из России, вот вы, как представитель гуманитарной общественности, как вы на это смотрите... ну там, визы, разрешения на работу, как долго такой человек может работать и вообще можно ли ее пускать... а то ведь живем-то только раз...

МАРТИ. Не желаете кофе, фрукты?

ЭЛИНА. Нет, спасибо. И можно ли каким-то способом от нее...

МАРТИ. Избавиться?

ЭЛИНА. Это вы сказали, не я.

МАРТИ. Официально церковь не участвует в обсуждении подобных вопросов, но на практике, конечно, невозможно безучастно смотреть на деятельность подобного рода, и потому в данном случае, я думаю, вполне объяснимо ваше стремление от нее избавиться...

Пауза.

МАРТИ. ...или, по крайней мере, как-то ограничить сроки ее пребывания...

Пауза.

МАРТИ. ...конечно же, напрямую это не имеет отношения к официальной миграционной политике. Но, безусловно, церковь имеет свои... этические правила в отношении к данному сегменту... Который час?

ЭЛИНА. Два.

МАРТИ. Ни два, ни полтора.

ЭЛИНА. Что? Ну, так вы бы смогли взять проститутку к себе домой?

МАРТИ. Сложно сказать.

ЭЛИНА. Неужели бы взяли?

МАРТИ. Сложно сказать.

Пауза.

МАРТИ. Насколько я знаю, она ко мне в гости не собирается.

Элина. Нет, конечно. Это только мне так повезло. Но ведь ребенок должен жить в спокойной мирной обстановке, ему не нужны скандалы.

МАРТИ. Ребенок?

Элина. Мне пора. Не думала, что выходить из церкви будет так приятно.

Элина уходит.

Свет гаснет.

Сцена шестая

В доме у Пекки и Элины

Пекка вносит чемодан Кати.

КАТЯ. Усыновить?

Пекка. Видишь ли, никто не может знать наверняка количество семян и готовность почвы — всё в руках Всевышнего.

КАТЯ. Но это же хорошо, вы наверняка будете прекрасными родителями.

Элина. А есть у тебя доказательства, что ты дочь Тайсто? Какие-нибудь неоспоримые факты?

КАТЯ. Нет, никаких документов у меня нет.

Элина. Подумать только! После развала великой державы через границу поползли все кому не лень, но лишь тысячная доля из них более или менее порядочные люди.

Пекка. Элина у нас сейчас как бы на восьмом месяце...

КАТЯ. А в путеводителе говорится, что финны очень гостеприимны.

Элина. Это означает, что он был выпущен еще до развала СССР. Теперь, когда железного занавеса больше нет, мы решили вести себя более естественно, то есть — от ворот поворот... нет, ну ё-моё, я не могу, простите... хотя кому я говорю "простите", дело-то, собственно, в том, что я не желаю тебя здесь видеть!

Пекка. Элина немножко не в себе.

Катя ходит по квартире, осматривается.

КАТЯ. А это чьи дизайнерские изыски?

Пекка. Тимо Сарпаневы.

КАТЯ (*смотрит на свет*). Хорошая игра света и тени, наверняка дорогая вещь. А у вас шикарная планировка. Вы уже, наверное, подумали, в какой комнате я буду? Вон в той маленькой?

Элина. Это детская, для ребенка.

КАТЯ. Вот оно что! Значит, речь идет о двойном усыновлении?

Пекка. Мы в гостиной ширму поставим, а утром будем ее убирать.

Элина. Ширму? В гостиной?

Пекка. Сейчас есть очень красивые, легкие.

Элина. Пойду пройдуся. У меня кислородное голодание.

Элина уходит.

[94]

ил 9/2009

Катя. Ты же говорил, что у меня будет работа. На фармацевтическом заводе.

Пекка. Говорил. Но не вышло.

Катя. То есть как это?

Пекка. Завод закрыли.

Катя. А та вторая, курьерская фирма?

Пекка. Перевели в другое место... туда куда-то (*машет рукой*) на Дальний Восток.

Катя. Курьеров перевели на Дальний Восток?

Пекка. Нет, только среднее звено... или звенья. У нас тут, в Финляндии, сейчас такая неразбериха.

Катя. Черт, как будто никуда и не уезжала.

Пекка. Но я поговорил с Сутиненом, он клевый мужик, так вот он счита...

Катя. Я тут прогулялась немного по Хельсинки и успела заметить, что старые иконы, точно такие же, как я вам передавала, стоят под тысячу евро. Что ж вы мне платили тогда так мало?

Пекка. Мы рисковали гораздо больше тебя... суммы соответствовали риску... Я переправлял товар через границу, а ты отвечала за бизнес в России.

Катя. Недешевые туфли у твоей женушки.

Пекка. Мы подумали, что ты привыкла к тем условиям, в которых жила... Люди ведь ко всему привыкают, и очень быстро. Конечно, про тебя мы конкретно не знали...

Катя. Ты не знал, потому что никогда и знать-то не хотел.

Пекка. Да. Но тогда я был другой. Теперь все совсем иначе. Но, возвращаясь к Сутинену — он начальник отдела кадров на нашей железной дороге, а там как раз освободилось место проводницы. Мы бы так и познакомились получше, и ты бы посмотрела на нашу страну из окна поезда.

Катя. Какие вы все-таки! Твой отец приехал к моей матери с пакетом дешевых капроновых колготок и жвачкой в зубах и сполна наслаждался прелестями дешевой жизни. Тридцать лет мой народ смотрел, как вы, приезжая к нам, пьете, блюете, буяните и трахаетесь по углам. А теперь, судя по твоему самодовольному выражению лица, я должна бесконечно радоваться, что приехала сюда. Но почему? Назови мне хоть одну причину для радости. Высокие налоги. Ужасный климат. Женщины одеваются, как мужчины, а мужчины одеваются, как свиньи. Продукты ни к черту, колбаса без мяса, сыры без жира, йогурты без вкуса. Вы десятилетиями талдычили нам о свободе слова, но стоит открыть любую газету, включить любой канал телевидения — и где она, ваша гребаная свобода? Вы не перестаете

возмущаться тем, что у нас можно сесть в тюрьму за свои высказывания, но приведите мне хоть одно финское высказывание, за которое можно было бы посадить в тюрьму! Сталин сделал большую ошибку, не прибрав вас к рукам. Глядишь, был бы в его распоряжении неприятельский и послушный народ для грязной работы.

ПЕККА. Про сыр это ты зря! У нас очень широкий ассортимент, особенно в последнее время.

КАТЯ. Ну что, я уже не подхожу на роль жертвы?

ПЕККА. Ну что ты так взбесилась, сестренка...

КАТЯ. Теперь, значит, сразу сестренка? Похоже, тебе доставляет удовольствие, что я проститутка. Во всем ищешь выгоду. Самец. Как все те мужики, что клеились ко мне в поезде.

Катя берет сумку и собирается уходить.

ПЕККА. Сестренка! Все мужики – свиньи. Но ты не такая.

КАТЯ. Я не шлюха!

ПЕККА. Конечно, нет. В глубине души ты чистая. Ты ищешь сейчас виновного... повсюду... Э-э, как бы нам уже уйти от этой невеселой темы... Если честно, то я еще толком не понял, что произошло... Но мне хочется верить, что не все в этом мире сводится лишь к поиску личной выгоды. Ты мне веришь?

КАТЯ. Я верю, но сама не знаю, во что.

ПЕККА. Нет, ты определенно наших кровей. Такая же вспльчивая, как мы все.

КАТЯ. Где я буду спать?

ПЕККА. Вон там.

КАТЯ. А твоя мать, Хельми, она с вами живет?

ПЕККА. А вот ее не трогай, шлю...

КАТЯ. Договаривай до конца. Давай, не стесняйся! Оказывается, быть шлюхой – не самое страшное проклятие. По мнению финнов, среди русских других и быть не может.

Входит Элина

ЭЛИНА. Выбирай!

ПЕККА. Что выбирай?

ЭЛИНА. Или я, или она.

Свет гаснет.

Сцена седьмая

В доме Марти и Карины

Звонит телефон.

КАРИНА. Карина Лааксо, слушаю вас.

МАРТИ. Привет, это я.

КАРИНА. Привет. Приглуши на время своего комментатора. Я за год успела отвыкнуть от этих ужасных звуков. (Пауза.) Как дела?

МАРТИ. Ну-у-у...

КАРИНА. Опять этот скрип!

МАРТИ. Что?

КАРИНА. Сколько можно говорить: “не грызи дужку от очков”?

Марти вынимает дужку изо рта.

МАРТИ. Сегодня опять приходила женщина, чтобы объяснить, почему она хочет выйти из церкви. Все говорила, говорила.

КАРИНА. Разочаровалась в Боге? Где-то я это уже слышала.

МАРТИ. Да нет, дело не в этом.

КАРИНА. А в чем?

МАРТИ. Понимаешь, в душе госпожа Куйтунен все же верит.

КАРИНА. Куйтунен — знакомая фамилия. Она в тех же сомнениях, что и ты?

МАРТИ. А что я?

КАРИНА. Ты ведь тоже все никак не согласишься, что между нами все кончено. Ты же поэтому звонишь?

МАРТИ. Нет, я уже не сомневаюсь. Я просто не люблю болтунов.

КАРИНА. Одухотворенных болтунов?

МАРТИ. Это, знаешь ли, даже пошло.

КАРИНА. Правда глаза колет.

МАРТИ. Крестишь, освящаешь, наставляешь, отпускаешь грехи, и вечно найдутся такие, кому что-то не нравится. Влезаешь в чужую шкуру, стараешься понять, прочувствовать, разделить вместе и горе, и радость, всякий раз подыскиваешь слова, но тем не менее регулярно нарываешься на такого, который обзовет все это фальшью.

КАРИНА. Боишься фальши — не берись. Стараясь угодить всем, не угодишь никому.

МАРТИ. Я уже видеть никого не могу. Может, пообедаем как-нибудь вместе?

КАРИНА. Ты же только что сказал, что видеть никого не можешь.

МАРТИ. Но ты же другое дело, ты же не...

КАРИНА. Человек?

МАРТИ. Нет, то есть да, то есть человек, конечно, но...

КАРИНА. Что “но”?

МАРТИ. Ну что ты к словам цепляешься?

КАРИНА. Всякая тварь к свету тянется.

Тишина.

МАРТИ. Приготовил сегодня утку по-пекински, помнишь, ты рецепт дала? По вкусу вышло что-то наподобие берлинского пончика.

Карина смеется.

Свет гаснет.

Сцена восьмая
В квартире Сеппо

Звонок в дверь. Входит Катя.

СЕППО. Ты?

КАТЯ. За такси заплати.

СЕППО выходит на секунду, возвращается. Катя поворачивает регулятор температуры на батарее.

КАТЯ. Теплая квартирка. Если вот так повернуть, будет еще теплее.

СЕППО. Я слышал, что ты приехала. Но думал, что уже обратно отчалила.

КАТЯ. Нет. Мне пообещали работу. Но не получилось. Обещали теплый прием, но не обеспечили. Рада тебя видеть.

СЕППО. И я. У тебя крошки вот тут над губой.

КАТЯ. Это не крошки.

Катя ходит по квартире.

СЕППО. Может, чаю?

КАТЯ. Так значит с контрабандой вы завязали, да?

СЕППО. Прости.

КАТЯ. А сколько стоит снимать такую квартиру в рублях?

СЕППО. В месяц столько же, сколько твою на полгода. Но я не снимаю, это моя собственность.

КАТЯ. Ого!

СЕППО. Купил во время кризиса.

КАТЯ. Кризис в Финляндии... Девяносто второй – девяносто пятый годы. Так, кажется? А это что такое?

СЕППО. Агатовые зубцы для позолоты.

КАТЯ. Сеппо, почему твой брат считает, что я проститутка?

СЕППО. Потому что я ему так сказал. А иначе бы он никогда тебе не помог. Пришлось выставить тебя в роли жертвы. Сочинить легенду. Прости.

КАТЯ. У вас в Финляндии, наверно, так принято. (Пауза.) Ну, так где мои деньги?

Сеппо. Нету.

Катя. Но ведь мне доля причитается за последнюю партию.

Сеппо. Мне тоже, но новоявленный Иисус все раздал.

Катя. А сколько они вообще стоят? Как моя годовая зарплата? Или еще больше?

Сеппо. Они дороги мне еще и в духовном смысле. Этими зубцами, между прочим, полировали купола Петербурга...

Катя хватается зубцы, прижимает к груди.

Катя. Теперь мы в расчете, да? Мне совершенно не хочется уезжать из Финляндии с пустыми руками, вы же всегда из России что-нибудь везете.

Сеппо. Верни сейчас же!

Катя. Ничего, у тебя денежки есть, еще купишь. Ты в России, где рубль ничего не стоит, три года купола золотил и на одни только суточные жил лучше, чем я, бывало, в самые лучшие времена! Неужели ничего не накопил?

Сеппо. Положи, откуда взяла!

Катя возвращает зубцы. Молчание.

Катя. На тебе тогда была такая кожаная куртка, когда ты пришел первый раз, помнишь?

Сеппо. Уже не помню...

Катя. Ты выглядел тогда так шикарно, что мы с мамой решили, что ты богач. Стоял в дверях, такой растерянный, не знал, как себя вести. С кипой детских книжек в руках. А потом протянул маме деньги. Нелегко, наверное, тебе было стоять там и рассказывать, как терзают твоего отца муки совести. А мы потом на эти деньги купили семена морковки, огурцов, брюквы, посадили на даче и смотрели, как растут наши финские овощи. Так что кое-какие попытки помочь с твоей стороны все же были.

Сеппо. Может быть. Я не помню.

Катя. Зато я помню. Ты был плохой родственник, но единственный, кто приходил к нам после того, как отец перестал с нами общаться. Ты был с ним, когда он умирал?

Сеппо. Нет. Только Пекка и Хельми.

Катя. А про нас он хоть что-нибудь говорил?

Сеппо. Вроде нет. Правда, Пекке он что-то там шептал на ухо.

Катя. Что?

Сеппо. Не забудь про грабли.

Катя. Что-что?

Сеппо. Грабли в данном случае это финская лотерея.

Катя. И это все?

Сеппо. Все. Я знаю дешевый отель.

КАТЯ. Лучше дай денег.

СЕППО. Ну нету.

КАТЯ. Должны быть. Через несколько месяцев в Питере настанет поздняя осень с пронизывающими ветрами, которые просто сводят с ума.

СЕППО. Давай договоримся, я дам тебе пятьдесят евро. Хотя нет. Я лучше дам тебе матрас, спи на полу.

КАТЯ. А там не дует, на полу?

СЕППО. Дует, но не так сильно, как в России. (*Сеппо протягивает Кате булку.*) Извини, масла нет.

КАТЯ. Расскажи мне, брат, какую-нибудь сказку.

СЕППО. Не буду. И помни, что на самом деле тебя здесь нет.

Сцена девятая

В парке

Хельми возвращается от врача. Сеппо ждет ее.

ХЕЛЬМИ. Не подходи.

СЕППО. Мама.

Пауза.

ХЕЛЬМИ. Ладно, иди сюда. Эх, не в отца пошли сыновья. Тайсто всегда выбирал прямую дорогу. Мы строили эту страну. Мы были добропорядочными социал-демократами... А ты? Скрывать от меня такое. Мать всегда мать, у нее не бывает ни отпуска, ни пенсии... хотя порой так хочется быть просто женщиной.

СЕППО. Кто мешает?

ХЕЛЬМИ. Человек сам стоит у себя на пути. Ты еще ходишь в боулинг?

СЕППО. Уже нет.

ХЕЛЬМИ. Я бы на твоем месте сходила. Сбила бы там все их... А как Пирьо поживает?

СЕППО. Какая Пирьо?

ХЕЛЬМИ. Разве вы больше не встречаетесь? Ходили же вместе в театр.

СЕППО. Ну и что с того? Она была какая-то слишком уж простая.

ХЕЛЬМИ. Пьеса?

СЕППО. Нет, эта Пирьо. Трешотка. Болтушка.

ХЕЛЬМИ. Милая девушка. Такие красивые глаза! Словно озера. А ты все нос воротить. Не подходят тебе ни цветочки, ни ягодки. Ходишь вечно с недовольной миной.

СЕППО. Было бы чему радоваться...

Хельми. Повернулся бы к свету, а то так и останешься. Чем ты хоть занимаешься-то, безработный? Сходил бы, что ли, в бар, проветрился. Нашел бы себе, как это теперь называется, герл-френд. Если не для души, так хотя б для здоровья. Хоть какое-то разнообразие в жизни.

Сеппо. Да была тут у меня одна... ночная гостья...

Хельми. Ну и?

Сеппо. Ушла утром. Одинокая такая, либо молчит, либо говорит гадости. Я обидел ее.

Хельми. За границей работал, а с женщинами общаться так и не научился. Все нос воротишь. Не подходят ни цветочки, ни ягодки.

Сеппо. Вот так вот, значит. День только начался, а ты мораль читать. Давай-ка я лучше провожу тебя до дома. Вернемся к этому разговору завтра.

Хельми. Ты все шутишь. Думаешь, у тебя много времени? Ошибаешься. Бродишь неприкаянный, но весна-то быстро пройдет — оглянуться не успеешь, а уж на голове два волоса и никаких желаний. Неужели тебе так опротивела эта жизнь?

Сеппо. Нет.

Хельми. А очень на то похоже.

Сеппо. Это похоже на всех финнов. Такая общегосударственная черта. Даже если бы в Финляндии нашли крупное нефтяное месторождение или она снова победила бы на Евровидении, выражение лица у финнов все равно не изменилось бы. Оно появилось еще задолго до нас и прирастало к лицам в течение многих лет. И ни у кого в мире нет такого выражения. Если я его поменяю, то нарушу основной закон страны. Это прописано у нас в конституции.

Хельми. Любая женщина устанет от таких речей. Слушай, ты только из чувства долга сюда пришел? Тогда лучше не надо, не ходи. Не старайся быть белым и пушистым.

Сеппо. Что-что?

Хельми. Не изображай тут из себя сиделку.

Сеппо. Я помогаю тебе, потому что мне самому этого хочется. Мама, у тебя есть какие-нибудь знакомые среди антикваров?

Хельми. Что?

Сеппо. Да вот фирму свою хочу открыть, буду работать на дому. Я вот уже и рекламки сделал: "Сеппо Куйтунен, реставратор". Дашь одну своему доктору?

Хельми. Как я мечтаю, чтобы ты позвонил и сказал, что не можешь зайти, потому что надо забрать младшенького из музыкальной школы.

Сеппо. Ну не начинай, а? Ты всегда, о чем ни начни, все об одном и том же. А я всю жизнь мечтал о том, чтобы открыть свою собственную реставрационную мастерскую... хотя бы маленькую,

метров в двадцать... хорошие инструменты... небольшой круг постоянных клиентов... и горячий кофе в подсобке. Ладно, извини.

Хельми. Не мешай все в одну кучу. У вас сейчас в жизни как раз середина. Половина позади, половина впереди. Надо смотреть и туда, и туда. Это тяжело. Но надо все успевать. Еще и я вам тут обузой.

Сеппо. Никакая ты не обуза.

Хельми. Обуза, сама знаю. Так, декорация для вас, живущих на авансцене. Старые люди — всегда для молодых обуза, с ними обращаются, как с детьми, смягчают тон при разговоре, о чем-то нарочно умалчивают. С подгузников все начинается и ими же заканчивается. Это я в больнице хорошо поняла.

Сеппо. Что-то у меня как будто плывет все перед глазами. Вот и брата своего, оказывается, совсем не знаю.

Хельми. А я и не хочу знать больше того, что знаю. Да и разве залезешь к другому в душу. Твой отец вон всегда приговаривал, когда лещей потрошил: “Посмотрим, что у него за душой”. Но люди — это ж не лещи.

Сеппо. Угу.

Хельми. Может, и ты когда-нибудь поверишь?

Сеппо. В Бога?

Хельми. В жизнь, как когда-то в социализм. Вера — это не грех. Это такое отношение к жизни. А контрабанда — совсем другое дело.

Сеппо. Но ведь можно о ней никому не рассказывать.

Хельми. О контрабанде?

Сеппо. Да нет, о вере. Ну и о контрабанде.

Хельми. Что ж, всякое случается.

Сеппо. А не должно случаться.

Хельми. В жизни и не такое бывает. У нас в деревне один мужик плюхнулся на землю в самый неподходящий момент, в день своего шестидесятилетия. Он сидел на стуле с металлическими ножками, слушал поздравительные речи, как вдруг ножки стула не выдержали, и он растянулся посреди лужайки. А так как человек он был тучный, то подняться сразу не смог. Вот и получилось, что в речах возносили его до небес, что, мол, и человек замечательный, и добровольный пожарный, и руководитель хора, а он в это время на земле валялся. Оказалось, там у стула с ножками что-то было не так.

Сеппо. А-а-а.

Хельми. Так что не пытайся обмануть жизнь.

Сеппо. У тебя странная манера утешать.

Хельми. А я и не утешаю, я просто говорю. Часто даже и не думаю, о чем. А ты не бойся. Жизнь-то — она сильнее смерти. До смерти все успеется. Я вот и Пекке то же самое пыталась объяснить.

Сеппо. Ты о чем это?

Хельми. Да так, к слову пришлось.

Сеппо. О смерти?

Хельми. Нет, о жизни. Ну что, голова все еще кружится?

Сеппо. Кружится, а у тебя?

Хельми. А у меня уже нет.

Свет гаснет.

Сцена десятая

В доме Пекки и Элины

Элина нервно пишет письмо. Входит Пекка.

ЭЛИНА. “Уважаемый социальный работник! Мы приняли решение отказать от усыновления по следующим причинам...”

ПЕККА. Это вообще что такое?

ЭЛИНА. “У нас плохая семья. Точнее, я плохая жена. Мой муж тоже, но я — особенно. Только я не уверена, что выбрала правильные слова”.

ПЕККА. Что это?

ЭЛИНА. “Плохой — это, конечно, слишком неопределенное слово, но как бы там ни было, у нас все не так, как надо. Мы ужасные эгоисты. Последний раз это стало очевидным, когда мы выгнали из дома единокровную сестру моего мужа. Точнее, выгнала я, но именно муж заставил меня сделать это”. Интересно, там примут к рассмотрению такое корявое заявление?

ПЕККА. Не примут, потому что ты его не отправишь.

ЭЛИНА. “Этот ребенок стал нам уже очень дорог, но ситуация настолько осложнилась, а потом еще и эта контрабанда...”

ПЕККА. Я ей снял квартиру на время.

ЭЛИНА. “К тому же...”

ПЕККА. Катя все правильно поняла, дай сюда письмо...

ЭЛИНА. “К тому же мой муж в его теперешнем состоянии может в любой момент об этом кому угодно проболтаться”.

ПЕККА. Она просто устала с дороги, просила меня извиниться за грубость, передавала привет, обещала скоро зайти в гости, хочет спросить у тебя, где тут можно купить такие же сапоги, как у тебя. Все в порядке. Перестань.

ЭЛИНА. “Все это свалилось на нас одновременно. А если еще и ребенок... Я не привыкла, мне так сразу все не решить...”

ПЕККА. Мы же столько раз уже ходили с ним в парк развлечений, катались на колесе обозрения, на каруселях, представляли, как его волосы будут щекотать нам щеки и как он будет прижиматься к нам,

разве ты не помнишь? Мы ведь не упустим этого шанса, не сделаем этой глупости.

Элина протягивает письмо Пекке. Он рвет его.

Свет гаснет.

Сцена одиннадцатая

В доме Сеппо

Пекка врывается внутрь. Сеппо шкурит деревянный стул.

СЕППО. Что ты там наплел Элине?

ПЕККА. Должен же я был что-то сказать! А Катя где? Трубку почему-то не берет.

СЕППО. Я же сказал уже: не знаю.

ПЕККА. Надеюсь, она к Хельми не пошла?

СЕППО. Да вряд ли, чего ей туда идти...

ПЕККА. Да, чего ей там делать...

Пауза.

СЕППО. Какая она, по-твоему?

ПЕККА. Да я толком еще и не понял... она вроде бы сестра, но в то же время какая-то совсем чужая. Попросила показать фотографии отца. Я все перерыл — нашел только эту.

Показывает.

СЕППО. Чего ж не отдал?

ПЕККА. Да ну, в этом тулупе, на льду с удочкой — чего тут интересного? К тому же он тут еще и спиной сидит. У тебя получше-то нет какой-нибудь?

СЕППО. Нет, это единственная.

ПЕККА. Как это?

СЕППО. А я вырезал его со всех фотографий.

ПЕККА. Зачем?

СЕППО. Это был знак политического протеста.

ПЕККА. Политического?

СЕППО. Да. А матери сказал, что коробка с фотками потерялась при переезде. Я его вырезал в тот год, когда СССР распался. Надо ж было хоть на ком-то отыграться. Ведь это отец заставил меня поверить в социализм.

ПЕККА. Ну ты даешь, свалил в одну кучу отца и развал Союза.

СЕППО. Зато ты теперь Бога суешь везде, где ни попадя.

ПЕККА. Ну да.

СЕППО. Именно поэтому я и вспомнил по Ивану. Смотри какой. *(Достает из кармана бумажник, быстро показывает фотографию.)* Питерский беспризорник, дитя Ладожского вокзала. Как бы мой подопечный.

ПЕККА. Понятно.

СЕППО. Это, конечно, только капля добра, если рассуждать глобально, так, мелкое шевеление на микроуровне, но все равно лучше, чем ничего... Награда за это – смотреть, как парень растет...

ПЕККА. Сеппо... Это здорово.

СЕППО. Ну, так хочешь помочь благому делу?

ПЕККА. М-м-м, может, попозже.

СЕППО. Вот так вот, каждый думает только о себе. А я уж было решил, что ты в самом деле в добродетель уверовал, а ты... ну да ладно.

ПЕККА. Чего ты отцовский стул-то шкуруешь?

СЕППО. Хочу что-нибудь сделать из него. Хельми отдала его, из жалости, типа сделай хотя бы это.

ПЕККА. Так все и начинается.

СЕППО. Придет день, и я открою в Питере реставрационную мастерскую, и тогда все эти мальчишки, вроде Ивана, смогут научиться работать руками и тем самым обрести опору в жизни. Так что есть над чем подумать.

ПЕККА. На улице холодно, у нее хоть теплые вещи есть с собой?

СЕППО. Не знаю. *(Пауза.)* Так сколько дашь на Ивана?

ПЕККА. А сколько надо?

СЕППО. Сколько не жалко.

ПЕККА. Сколько не жалко! Это уже много.

СЕППО. В последнем письме Иван говорил, что хотел бы кроссовки, чтоб в футбол играть. Но я не настаиваю. Если что-нибудь услышу про Катю, сообщу. У нее кончики пальцев совсем были белые.

ПЕККА. Как это?

СЕППО. Ну не знаю. И лоб горячий, я потрогал.

ПЕККА. Неужели грипп? Ночью обещают заморозки.

СЕППО. Да, наверняка подморозит.

ПЕККА. Надеюсь, она найдется. *(Пауза.)* Ну да. А на Ивана-то все-таки сколько?

СЕППО. Сто евро.

Свет гаснет.

В парке

Хельми гуляет. К ней подходит Катя, в руках у нее карта.

[105]

ил 9/2009

КАТЯ. Простите, не подскажете, где находится Успенский собор, а то я его никак не могу найти на карте.

ХЕЛЬМИ. Минуточку... вот здесь, но он, по-моему, закрыт на ремонт.

КАТЯ. Ах, как жалко.

ХЕЛЬМИ. А вы только ради этого приехали в Хельсинки?

КАТЯ. Нет, не только, но мне очень хотелось его посмотреть. Его строили четыре года, и говорят, он очень красивый.

ХЕЛЬМИ. Нам редко удастся увидеть то, что хочется. Ну ладно, всего вам доброго!

КАТЯ. Могу я вам помочь как-нибудь?

ХЕЛЬМИ. Чем?

КАТЯ. Держитесь за мою руку. Здесь такой сильный ветер. Хорошо хоть тротуары в Финляндии ровные.

ХЕЛЬМИ. А где неровные?

КАТЯ. В России. Я из Петербурга. По некоторым улицам ходить на каблуках просто опасно, такие ямы в асфальте.

ХЕЛЬМИ. Вы хорошо говорите по-фински.

КАТЯ. Мне так хотелось сюда приехать, что даже шестнадцать падежей не могли помешать.

ХЕЛЬМИ. И как вам в Финляндии?

КАТЯ. Сначала очень скучала, потом все ненавидела, а теперь уже ничего, даже нравится.

ХЕЛЬМИ. Да что здесь, черт побери, может нравится?

КАТЯ. Такого синего неба нигде больше нет. Все оттенки синевы, просто удивительно.

ХЕЛЬМИ. Хм. Россия, конечно, слишком большая, но если взять какой-нибудь небольшой кусочек, то его вполне можно понять. Я там часто вместе с мужем бывала.

КАТЯ. Ему нравилась Россия?

ХЕЛЬМИ. Что за крошки у вас на щеке?

КАТЯ. Это не крошки.

ХЕЛЬМИ. Болезнь нельзя запускать. Что это?

КАТЯ. Хороший вопрос.

ХЕЛЬМИ. В Финляндии, если политик говорит "хороший вопрос", значит, он не намерен на него отвечать. Ну ладно, не мое дело. Что вы намерены делать в Хельсинки?

КАТЯ. Гулять. Здесь очень много интересного.

Хельми. А вообще? Что вы вообще собираетесь делать?

Катя. Почему вы об этом спрашиваете?

Хельми. Глядя на вас, я почему-то задумалась о том, что я в этой жизни упустила.

Катя. Да ладно вам. Мы же совсем не знаем друг друга.

Хельми. Это не важно. Сорок лет я думала, что хорошо знаю своих сыновей, но оказалось, что я ошибалась. Мы с вами раньше случайно не встречались?

Катя. Не думаю. Не хотите прогуляться со мной до Успенского собора?

Хельми. Зачем?

Катя. Мне было бы очень приятно.

Хельми. Ладно.

Катя. Тогда давайте знакомиться. Как вас зовут?

Хельми. Хельми.

Катя. А я Катя. У вас красивая прическа, Хельми.

Хельми. Чего нельзя сказать о твоей. Почему ты не расчешешься?

Катя. Расческу потеряла.

Хельми. Что ж, мы неплохо дополняем друг друга.

Катя. Хельми, вы бывали в Питере, когда на Неве начинается ледоход?

Хельми. Нет.

Катя. Этот звук сложно описать. Но его долго-долго ждешь — всю зиму.

Хельми. Вот как, что же это за звук?

Свет гаснет.

Сцена тринадцатая

Зал приходского дома

Пекка и Марти на занятии клуба игры на гитаре, играют.

Пекка. Если слишком сильно прижимаю, то струны вообще не звучат.

Марти. Соблюсти баланс между силой и нежностью не так-то просто.

Пекка. Ты пастор.

Марти. Ну да.

Пекка. И что ты обо мне думаешь?

Марти. Ничего.

Пекка. А в Бога ты веришь?

Марти. Конечно.

Пекка. Всегда верил?

МАРТИ. Может, еще раз с последней цифры?

Играют. Пекка неожиданно останавливается.

ПЕККА. Прости. Но знаешь, лучше бы я там зайца увидел.

МАРТИ. Где?

ПЕККА. Да, заяц был бы гораздо лучше. Понимаешь, все дело в стране. В этой идиотской гребаной стране, прости меня, ради Бога. То, о чем я тут в последнее время говорил, — да в России об этом запросто болтают мужики на улице. Но стоит только заговорить о Боге, например со своими коллегами в поезде, на тебя уже смотрят как на прокаженного.

МАРТИ. Вера — это личное дело каждого человека. Не надо кричать о ней на всех углах.

ПЕККА. Да у нас тут в Финляндии куда ни плюнь, везде — личное дело каждого, именно поэтому все так одиноки. Здесь этого личного уже чересчур. Но вера меняет мир вокруг людей, она как любовь. А влюбленные могут изменить вокруг себя всех, целый подъезд, целый дом. И ты, как профессионал, должен это прекрасно знать. Но скажи мне, пожалуйста, вот что скажет Бог, когда увидит меня?

МАРТИ. Вот так спросил! Очевидно, ничего не скажет.

ПЕККА. Но как же так? Неужели он такой же, как все финские мужики? Как мой отец. Такой же неразговорчивый. А как ты думаешь, все могут рассчитывать на его милость?

МАРТИ. Вообще-то у нас урок игры на гитаре...

ПЕККА. А в конец света ты веришь?

МАРТИ. Нет.

ПЕККА. А что скажет Бог, когда услышит, что я отбирал старинные иконы у глубоко верующих старушек?

МАРТИ. Думаю, Бог в этом вопросе солидарен с правоохранительными органами.

ПЕККА. На Божьей шкале “плюс — минус”, если брать только мои грехи, я, безусловно, в глубоком минусе и уже чувствую языки пламени у себя на спине. Ну почему Бог решил явиться именно мне? И разве можно такому ничтожеству, как я, доверить ребенка?

МАРТИ. Бог всепрощающ.

ПЕККА. А можно еще пару вопросов, о нравственности?

МАРТИ. Зависит от того, что за вопросы, я ведь тоже человек.

ПЕККА. Поэтому и спрашиваю.

МАРТИ. Попробую по мере сил.

ПЕККА. Вчера во время проповеди ты сказал, что милость даруется страждущим, как первый весенний луч. Что это значит?

МАРТИ. Именно то и значит.

ПЕККА. Но ведь это не значит ничего. Вот мы сейчас с тобой добрались до самой сути проблемы. Я говорю от чистого сердца. Уж лучше никак не утешать, чем пичкать людей глупостями и банальностями. Не сердись. Я работаю проводником в поезде и прекрасно знаю, что такое монотонная работа. Я часто проверяю билеты совершенно равнодушно и ничего близко к сердцу не принимаю.

МАРТИ. Проповедь о милости Божьей и проверка билетов в поезде — далеко не одно и то же. Милость — это ключевое понятие в христианстве.

ПЕККА. Ну вот, опять... Я просто хотел, чтоб ты понял, как же это называется... ну да ладно...

МАРТИ. Тогда до следующего раза...

Тишина. Марти собирается уходить. Пекка перебирает струны гитары.

ПЕККА. А ты всегда верил?

МАРТИ. Во что?

ПЕККА. Да ладно тебе!

МАРТИ. В Бога? Но это мое личное дело!

ПЕККА. Но ведь для тебя это еще и профессия.

МАРТИ. В данный момент я не на службе.

ПЕККА. Но ведь сердцу-то не прикажешь! Как бы я хотел относиться ко всему так же, как ты! Все было бы намного проще!

МАРТИ. А как я отношусь?

ПЕККА. Тихо. Спокойно. В общем, cool.

МАРТИ. Что?

ПЕККА. Это от английского, значит “прохладный”. Такие вот прохладные наблюдатели самые отвратительные, ни то ни се, глядят со стороны и смеются над теми, кто попал в эпицентр урагана.

МАРТИ. У нас в деревне был один каменщик, я работал у него подмастерьем. Знаешь, наверное, что каменщиков называют королями строителей. Но этот был еще почище, он вообще считал себя Иисусом. Заберется, бывало, на стремянку, раскинет руки в стороны и говорит: мальчик мой, ты должен сложить из кирпичей столбики до самых моих рук, чтобы мне не пришлось опускать руки, когда нужно взять кирпич. А еще он сказал: я теперь как Иисус на кресте, с той разницей, что в Пасху я буду ездить на своем “вольво”, а Иисус до Пасхи так и не дожил. Такой вот каменщик был у нас в деревне.

ПЕККА. Зачем ты мне это рассказал?

МАРТИ. Потому что ты очень похож на того каменщика. В плане духовном.

Из другой комнаты слышен голос Карины.

КАРИНА. Марти, ты идешь?

МАРТИ. Иду!

ПЕККА. Кто это тебя зовет?

МАРТИ. Да так. Ты понял, что я тебе сказал?

ПЕККА. Судя по выражению лица, этот человек не просто “так”, а кто-то очень важный. Или я ошибаюсь? Кольца ведь обручального на тебе нет.

МАРТИ. Это тебя не касается.

ПЕККА. Все еще не нашел ту единственную и неповторимую?

МАРТИ. Нет... И вообще, я сказал, это тебя не касается.

ПЕККА. А с Богом у тебя такие же отношения? Иногда ведь хорошо потрепаться, потусоваться. Бог — это хорошее решение. Просто отличный выход.

МАРТИ. Что? Да это, вообще, моя жена... бывшая... хотя зачем я тебе это говорю.

ПЕККА. Вот-вот, давай-ка и поразмыслим.

Слышен голос Карины.

КАРИНА. Марти!

МАРТИ. Иди, иди! Я догоню. (Пекке.) Знаешь, где находится Антипехья?

ПЕККА. Нет.

МАРТИ. У нас там в следующем месяце будет интересный семинар. О сущности веры. Приходи.

ПЕККА. Ничего себе, вот это честь! Не ожидал, что мы станем такими друзьями... Спасибо, приду с удовольствием, можем даже на моей машине поехать.

МАРТИ. Тема семинара что-то типа “Черт побери, я же верующий”. Сможешь во всей красе продемонстрировать там силу своей веры. Может, почерпнешь что-нибудь новое для себя.

ПЕККА. Хочешь сказать, что встречу там тех, чья вера равна и непоколебима, а все проблемы сводятся лишь к тому, сочетается ли ковер в гостиной с цветом дивана. Так, что ли?

МАРТИ. Нет. Я хотел сказать, что это будет просто открытый разговор о том, как на самом деле проявляется вера в Бога.

ПЕККА. Ну уж если заговорили о практике, то у меня есть к вам вопрос в связи с братом. Он сейчас временно без работы. Не нужны ли вам опытные водители, хорошо знающие Петербург? Вы ничего в Россию не отправляете, одежду там, гуманитарную помощь? Ведь у вас же есть какие-нибудь международные программы, субсидии и так далее, может, он вам пригодится там? В контексте общей глобализации. А то все заботы сейчас только о тех, кто далеко, тогда как и на ближних иногда не мешало бы оглянуться.

МАРТИ. Посмотрим.

ПЕККА. Ну вот и отлично.

МАРТИ. Мне пора.

ПЕККА. Я, наверное, не совсем те слова подобрал.

МАРТИ. Разве дело в словах? Содержание-то ведь было верным?

ПЕККА. Да ничего подобного! Хочется рассказать, но не рассказывая. Хочется все изменить, ничего не меняя. Хочется плакать, но чтоб не плача. Просто голова раскалывается. Много лет я ездил на поезде и думал, что же со мной такое. Даже Сеппо вон с горящими глазами носился со своим социализмом, верил в него, как в мессию. А я все это время катался взад-вперед на поезде между Питером и Хельсинки, чух-чух, чух-чух, чух-чух, ту-тууу, Никчемный Пекка... Но ведь не для того человек живет, чтобы только есть, пить, спать, испражняться, ведь должно же быть еще что-то! Душа! Где она? В животе? Давно уже хочется вскрыть этот живот и посмотреть, там она или нет. Что такое душа, вот скажи мне. Или это тоже личное дело каждого?

Тишина.

МАРТИ. Мне надо идти.

МАРТИ уходит. Пекка перебирает струны на гитаре. Через мгновение МАРТИ снова возвращается.

МАРТИ. Да, еще пару слов о том каменщике.

ПЕККА. Пожалуйста. Может, пойдем куда-нибудь вдвоем?

МАРТИ. Исключено. Так вот, он был хорошим ремесленником, этот наш Иисус, вот только со временем все ученики покинули его. Общины не получилось.

ПЕККА. Я не боюсь остаться один, если ты вернулся, чтобы рассказать именно об этом.

МАРТИ. Не об этом. Просто шапку забыл.

ПЕККА. Но ведь признайся, наш разговор тебя зацепил. Кровь забури-ла, чувства разыграли!

МАРТИ. Если разговор – это когда два человека сидят друг напротив друга и каждый говорит о своем, то тогда да, пожалуй, это был разговор.

ПЕККА. Слово – наш инструмент для постижения истины.

МАРТИ. Твой инструмент – это аппарат для проверки билетов.

ПЕККА. Компостер оставляет след на билете. Твое слово тоже должно оставлять какой-то след в душах прихожан, но ведь ты же не веришь!

МАРТИ. Я в тебя не верю!

ПЕККА. Ты в человека не веришь!

МАРТИ. Зато ты стоишь сейчас на высокой горе и творишь суд над живыми и мертвыми.

ПЕККА. Я имею право высказать то, что у меня на сердце!

МАРТИ. Говори, но не надо такого пафоса!

ПЕККА. Почему вера стала для тебя такой большой темой? Может, потому, что появилась как бесплатное приложение к курсу теологии, — что-то вроде подарка в виде колбасы всем покупателям раскладного дивана, помнишь, была такая кампания в семидесятых.

МАРТИ. Я пришел к вере неслучайно. Я сделал осознанный выбор, и ты себе даже представить не можешь, как сложно порой бывает ее не потерять!

ПЕККА. Пожалуй, выучу-ка я для начала эти аккорды.

МАРТИ. Ладно. До следующего раза.

Марти уходит.

ПЕККА. Шапку забыл.

МАРТИ. Она у меня в кармане.

ПЕККА. Cool.

МАРТИ. Что?

ПЕККА. Ничего.

Марти останавливается в дверях.

МАРТИ. Твоя жена заходила. Она решила выйти из церкви. Это как-то связано с твоими признаниями?

ПЕККА. Что?!

МАРТИ. Твою жену зовут Элина Куйтунен, так? Неделю назад она пришла и заявила, что отрекается от церкви, от религии и от всего, что с этим связано.

ПЕККА. Ничего не понимаю...

МАРТИ. Похоже, что у вас в семье что-то неладно...

ПЕККА. Она назвала какую-нибудь особую причину?

МАРТИ. Я точно не помню, но почему-то в голове у меня все увязалось с этими твоими последними откровениями...

ПЕККА. Я еще, пожалуй, немного поиграю.

Марти уходит.

Сцена четырнадцатая

В ресторане

МАРТИ и КАРИНА

КАРИНА. У тебя появилась перхоть.

МАРТИ. А у тебя новый свитер.

КАРИНА. Японский.

МАРТИ. Красивый. Тебе идет.

КАРИНА. Думая о Японии, я забываю о Финляндии и о работе. Суши, саке, суп-мисо, понятие о чести. Такой стиль жизни придает немного иной смысл существованию. И спальный район Мартинлааксо на мгновение становится как будто кусочком Токио. Но о чем это я... Спасибо. Год назад ты бы даже и не заметил.

МАРТИ. Готов признать вину.

Карина протягивает ему меню.

КАРИНА. Есть даже утка по-пекински.

МАРТИ. Слушай, хотел спросить про Куйтуненов. Их дело, оно ведь у тебя в рассмотрении? Элина и Пекка?

КАРИНА. А что с ними?

МАРТИ. Не позволяй им брать ребенка.

Свет гаснет.

Действие второе

Сеппо выходит на сцену с письмом в руке.

СЕППО. "Dear Sponsor! I am awfully happy for the money you send me. My new football shoes are shiny and they give the opportunity to play with the other boys in team. My family send you my best regards. The weather here in Saint Petersburg is cold but I always hope the best. Your monthly payment is like a gift from God to us. And in my next letter I will send you a photo from my family, who will think you with great respect always. Love, Ivan"¹.

Сцена пятнадцатая

В доме Пекки и Элины

ЭЛИНА. Смотри, какую юбку я купила Кате, лиловую, передашь ей?

ПЕККА. Угу...

ЭЛИНА. А где она живет и почему к нам не заходит? Я ей вот еще носки приготовила. Какой у нее адрес?

ПЕККА. Улица Калониуса или Сигнеуса... Вот голова, записал в ежедневник и на работе его оставил... но она передавала большой привет.

ЭЛИНА. Она нашла работу?

1. "Дорогой спонсор! Я ужасно рад деньгам, которые вы мне прислали. Мои новые кроссовки для футбола очень классные, и теперь у меня будет возможность играть в команде с другими ребятами. Моя семья также шлет вам приветы. Погода здесь в Санкт-Петербурге холодная, но я всегда надеюсь на лучшее. Ваше ежемесячное пособие как Божий подарок для нас. В следующем письме я пришлю вам фото моей семьи, они вас очень уважают. С любовью, Иван" (искаж. англ.).

Пекка. Нашла, нашла. Тот фармацевтический завод, который уже почти закрыли, решили вдруг объединить с другим заводом, так что наша.

Элина. А как фирма-то называется? Туда же можно позвонить.

Пекка. Я уже звонил туда утром, но у них там телефоны сейчас всем меняют, поэтому все отключено. Хотят, чтобы все номера начинались с десятки, странные какие-то...

Элина. Но ведь хоть какой-нибудь же номер должен работать...

Пекка. Сегодня ничего не работает.

Элина. Но...

Звонок в дверь. Пекка идет открывать.

Элина. Пекка, не забудь. Ни слова о Боге.

Пекка открывает дверь. Входит Карина.

Карина. Добрый день.

Элина. Добрый день.

Пекка. Здравствуйте.

Карина. Это снова я.

Пекка. Да, и с еще более серьезными вопросами.

Элина. Кофе?

Карина. Я очень удивилась, когда увидела вас в одной комнате с Марти.

Элина. Где?

Пекка. Где?

Карина. В приходском доме.

Пекка. Это было вынужденно.

Элина. О чем это вы говорите?.. Ты был в церкви?..

Пекка. К сожалению, в церкви непростительно мало говорят о переутомлении на работе. Может, сначала все же кофе?

Карина. Вы, как я поняла, занимаетесь поисками некой истины.

Пекка. Да, и этот поиск уже показал, насколько прозрачно наше существование. Мы держимся за мир вокруг нас крошечными и слабыми пальцами. И вот уже асфальт, по которому мы идем, превращается в болото. Целые государства уходят в небытие, бесследно исчезая в тонких зарослях вечности. Взрослый — это дерево, а ребенок — воробышек. Он прилетает к нам лишь на мгновение, чтобы спеть свою песенку и умчаться вдаль вместе с ветром.

Элина. Да иди ты знаешь куда, Пекка! Простите меня.

Пекка. А что такого?

Элина. Пошел ты к черту со своими воробышками! "Крошечные и слабые пальчики"! Лети ты знаешь куда! Хоть с ветром, хоть без ветра! Только я тебе не дерево!

Карина. Вы не возражаете, если мы перейдем к основному вопросу?

Элина. Я схожу за водой. А хотя нет, не пойду.

Пекка. Да иди, иди.

Элина. А может, пива? Что скажете, Карина?

Карина. Почему бы нет?

Пекка. Боюсь, что пиво кончилось.

Элина. Не говори ерунды, у нас им все шкафы забиты. Чего желаешь: пива, водки или, может, домашнего вина? Водки? Пожалуйста. Я тоже последнее время читаю духовную литературу. Там очень интересные мысли, ей-богу, такие простые и ясные выражения, что совершенно очевидно – никто из писавших эти тексты никогда не нарушал никаких заповедей, но зато на каждой второй странице всем даруется милость и прощение. Вам со льдом?

Карина. Спасибо.

Пекка. А льда-то и нет.

Элина. Ну разве можно жить с таким мужем. Это же сплошное наказание. Даже секс превратился для него в нечто, исполненное нового смысла. Нет больше прежней страсти – увы! А ведь я помню, как Пекка без лишних разговоров меня и спереди, и сзади, и сбоку, и даже на кухне. Теперь же он вежливо интересуется, можно ли ко мне прикоснуться и как именно. Словно из него ушла душа, хотя он и твердит без конца, что только сейчас ее и обрел. А в сексе не нужна вежливость!

Пекка. Схожу-ка я за сахаром.

Элина. Принеси водки! И я прошу тебя, лучше уж будь пьяницей! Пьяницу гораздо проще понять, чем верующего: пьяница пьет все что ни попадя, а верующий верит в то, чего не существует.

Пекка. Я пошел за сахаром.

Элина. Нет, не уходи. Вопросы твоей веры никак не связаны с нашим ребенком, не должны быть связаны!

Пекка. Шлюха! Ты отвергла церковь.

Элина. Это мое дело, а не Бога! Нет никого, кто выше или ниже нас, все мы равны, как учил нас Вайнё Линна!¹

Пекка. Но ведь есть же некое духовное начало. И я просто стараюсь придать духовному материальное обличие. Воплотить в делах.

Элина. Лучше мусор вынеси. Твоя вера – кусочек колбаски на корку хлеба. Вместо нее могло быть все что угодно – хоть курс йоги, хоть партийный съезд. Партия, наверное, даже лучше. Обошлось бы первомайским шествием.

Пекка. Но духовное прозрение помогает мне видеть неповторимость всего существующего.

Элина. Да, да, конечно. У тебя стало слишком много свободного времени, это и привело тебя к Богу!

1. Вайнё Линна (1920–1992) – финский прозаик, пользовавшийся широкой известностью после Второй мировой войны.

Пекка. Ну как ты не можешь понять?! Мои глаза раскрылись! То, что раньше было для меня безразличным и неживым, сейчас стало подлинной ценностью. Мох — это волосы камня. Я теперь по-другому смотрю на голубей. Это дети торговой площади.

Элина. В задницу голубей!

Пекка. Нет, не в задницу!

Карина. Как же это верно! Отношения в семье должны строиться на подлинных чувствах, на страсти, а не на заботах о том, как бы купить чего подешевле. Ссора, как летний ветер, распахивает окна, позволяя свежему воздуху проникнуть внутрь. Ведь это от одиночества он кладет в пекинскую утку так много сахара? Точно так же душевнобольные заедают свою депрессию селедкой. “Подбросьте жару, Карина и Марти! Что вы дуете на уже остывшие угли?” Даже самая плодородная почва превратится в бесплодный песок, если вовремя не удобрять ее. “Отношения взрослых людей”, “Мирный развод”, “Останемся друзьями”. А я еще тут пытаюсь строить из себя судью, решая, можно ли отдать ребенка в ту или иную семью, тогда как молодежь, вместо того чтобы делать детей для нашей прекрасной родины, слоняется по модным бутикам в поисках стильных аксессуаров. Конечно, разве их волнует тот факт, что лет через сто Финляндия станет своего рода санаторием для НАТО? Да и вся эта система усыновления — сплошные палки в колеса: может ли усыновителем быть одинокий человек, достаточно ли в семье средств, чтобы содержать ребенка, и так далее и так далее, а у этого ребенка где-то там, Бог знает где, может, и надеть-то нечего — голый да босый. Вот и я такая же.

Пауза.

Пекка. Схожу-ка я все же за сахаром.

Элина. А как же в следующий раз?

Пекка. Через две недели?

Карина. Да.

Пекка. Что-то грибов в этом году совсем нет.

Карина. До свидания.

Элина. До свидания.

Пекка. До свидания.

Свет гаснет.

Элина. Нет, я совсем не крутая. Не умею танцевать до упаду, до изнеможения. И при этом все время думаю: раскройся, освободись, за чем сдерживаться? Я сказала как-то своему ученику, когда мы стояли на перекрестке в Лаясало: езжай, куда хочешь, хоть в стену вот этого банка. Потом пришлось угостить его гамбургером, чтоб он не проболтался директору автошколы. Я вынуждена была потом сказать ученику, что это она меня испытывает. “Кто она?” — спросил ученик. “Любовь”, — сказала я. Точнее, Пекка. Пока любовь и Пекка — это для меня одно и то же, но все будет хорошо. Понимаешь ли ты, о чем я?

В церкви

[116]

мл 9/2009

Хельми и Катя.

Хельми. Ты так смешно накручиваешь волосы на палец, прямо как мой муж. Он тоже так делал, когда бывал в хорошем настроении.

Катя. А зачем мы сюда пришли?

Хельми. В этой церкви мы венчались. Ты же хотела ее увидеть. А потом сама говорила, что солнце не любишь.

Катя. Да я только яркого солнца не люблю.

Хельми. Почему?

Катя. Он здесь сделал вам предложение, да?

Хельми. Нет, предложение он сделал в булочной.

Катя. А как, в каких словах?

Хельми. “Хельми, давай сделаем из двух три!”

Катя. Что это значит?

Входит Сеппо с большой охапкой одежды.

Хельми. Сеппо!

Пауза.

Сеппо. Мама?

Хельми. Вот, это моя новая знакомая.

Катя. Хельми, пойдите лучше в кафе.

Хельми. Ее зовут Катя.

Катя. Да, меня зовут Катя. А вас, по-моему, Сеппо?

Хельми. Сеппо — мой младший. Обычно в таких случаях говорят “хороший мальчик”, но я скажу “просто Сеппо”.

Катя. Приятно познакомиться!

Сеппо. Привет. Кхе... А почему вы...

Хельми. ...здесь? Пекка сказал, что тебя можно именно здесь найти.

Сеппо. Пекка?

Катя. Мы случайно встретились с Хельми в городе.

Сеппо. Случайно?

Хельми. Очень приятно пообщаться с кем-нибудь помимо собственных детей и медперсонала. Я в людях не ошибаюсь, если они чужие. А в своих ошибайся не ошибайся — ничего уже не поделаешь.

Пауза.

Хельми. Сеппо сейчас безработный, поэтому такой мрачный. Вообще-то он очень открытый и приветливый.

СЕППО. Ладно, я спешу.

ХЕЛЬМИ. Я тоже, учитывая, что мне вообще уже недолго осталось. Ну, как тебе Сеппо?

КАТЯ. Так вот почему... Что ж, посмотрим, посмотрим.

ХЕЛЬМИ. Крепкий мужик, только вот постель пуста. А я беспокоюсь, переживаю за него.

КАТЯ. Такова материнская доля.

ХЕЛЬМИ. Не нравится мне такая доля.

КАТЯ. Жизнь не спрашивает, что нам нравится, а что нет.

ХЕЛЬМИ (*обращаясь к Сеппо*). Она такая очаровательная! “Кокоа коко кокко...” Родом из Петербурга. Мой любимый город. Хотя я, конечно, нигде, кроме Петербурга и Коуволы, и не бывала. Да и в Коуволу-то поехала только потому, что муж моей сестры лежал там в больнице, у него был рак селезенки.

СЕППО. Я действительно очень спешу. Машина с гуманитаркой должна уйти сегодня...

ХЕЛЬМИ. В Коуволу?

СЕППО. Нет, в Питер! Прости, у меня ни минуты нет сейчас свободной, а потом мне еще в Волхов ехать. До свидания!

ХЕЛЬМИ. Постой хоть немножко с Катей, пока я в туалет отлучусь. Может, поговорите.

Хельми уходит.

СЕППО. Вы правда случайно встретились?

КАТЯ. Нет.

СЕППО. Чего ты хочешь?

КАТЯ. Ничего, что могло бы тебе повредить. Зачем ты едешь в Волхов?

СЕППО. Везу туда часть гуманитарки.

КАТЯ. А обратно?

СЕППО. Ничего.

КАТЯ. Через кого вы теперь дела проворачиваете? Меня же нет.

СЕППО. Перестань!

КАТЯ. Эх, братишка. С золотых куполов ты вновь угодишь в яму.

СЕППО. Двадцать квадратных метров по периметру и свежий кофе в подсобке, разве мне слишком многого хочется? Коммунисты всех обеспечивали рабочими местами, что бы о них ни говорили. Моя жизнь сейчас — одна сплошная беготня по подработкам.

КАТЯ. Для вас, финнов, пятнадцать минут нестабильности — уже стресс.

СЕППО. Для кого-то и пятнадцать лет. Который раз все рушится, и надо заново начинать. Но при этом земля не перестает вращаться и облака бежать по небу. Что тут сделаешь.

КАТЯ. Во всяком случае, не надо делать того, что ты задумал.

Хельми. Похоже, я не вовремя. Вы в этом освещении похожи на героя какой-то сказки. Принц и принцесса.

[118]

ил 9/2009

Сеппо. Меня страждущие ждут. До свидания.

Хельми. Как же так, уже и до свидания? Вы хоть телефонами обменялись?

Катя. Обменялись, обменялись.

Хельми. Ты, Сеппо, шустрый парень. Сейчас ты очень похож на отца, всем помогаешь, как будто конец света вот-вот настанет. Именно вот так, высунув язык, он собирал вам те двести тысяч, что оставил в наследство, очень спешил, даже мотор от лодки и тот продал, правда, он был уже давно неисправен, но покупатель все равно нашелся...

Сеппо. Да, да, да, да, мама! Но ты зря стараешься, у нас ничего не выйдет.

Хельми. Почему это?

Сеппо. Потому что мы с Катей – как Финляндия с Россией. Всё, прощайте!

Катя. Сеппо, подожди.

Сеппо уходит.

Хельми. Ничего, он еще вернется. Ты запала ему в душу.

Катя. Почему твой муж тогда так торопился?

Хельми. Торопился?

Катя. Собрать наследство.

Хельми. Да потому что они уехали меченого куда подальше, а сами во главе с беспальым забрались на танк и ну орать благим матом!

Катя. Не поняла.

Хельми. Детка, да страна твоя тогда развалилась.

Катя. И что, Союз развалился, и потому Тайсто решил срочно сколачивать наследство?

Хельми. Он испугался. К этому меченому, ну к Горбачеву, уже как-то успели привыкнуть, он спокойный был, а потом появился этот беспальный...

Катя. Ельцин?

Хельми. Вот-вот. Глаза зальет и давай руками размахивать, а в руках-то оружие. Вот Тайсто и испугался, что такие полезут через границу, стал копить деньги на черный день для самых дорогих и любимых. Чудак! Потом, правда, понял, что зря боялся, успокоился, да вот умер, когда лампочку менял. Так что, Катя, не стоит покупать табуретки на распродаже. Так здорово, что можно поговорить о Тайсто с незнакомым человеком.

Катя. Да-да.

Хельми. Да у тебя жар.

Катя. Нет.

Хельми. В тебе точно есть финская кровь.

Катя. Почему?

Хельми. Ты не хочешь говорить о том, что тебя беспокоит.

Катя. Да говорю я, с чего вы взяли?

Хельми. Похоже, я тебе надоела...

Катя. Нет.

Хельми. Точно, точно. Зачем я тебе сдалась, ты молодая девушка, у тебя впереди светлое будущее, а я тебе про погреб с картошкой. Пойду-ка я лучше домой.

Катя. Хельми, не уходи...

Входят Пекка и Элина

Хельми. А вот и еще один сынок!

Пекка. Привет.

Элина. Катя! Я скучала по тебе, вон даже носки тебе связала. Почему ты к нам не заходишь?

Хельми. Вы знакомы?

Пекка. Нет, в принципе. Так, однажды встретались где-то...

Катя. На приеме в обществе дружбы Финляндии и России.

Пекка. Точно.

Хельми. И ты сразу решила связать ей носки? Ты же никогда раньше не вязала?

Катя. Элина, проводи Хельми до такси, мы сегодня так много гуляли, что она, наверное, очень устала.

Элина. Да-да, такси.

Катя. Я собиралась зайти и забрать носки. Очень рада встрече! Мы ведь, кажется, собирались сегодня куда-то поехать. Поехать, да... Куда же поехать?..

Пекка. В Фискарс.

Катя. Там, наверное, очень красиво.

Хельми. Вот и хорошо, что у тебя теперь есть компания.

Элина. Пойдем, Хельми.

Хельми. Здесь сегодня собрались все, кто мне очень дорог, только Сеппо, к сожалению, уехал. Ах, Пекка, наконец-то ты пришел в нужное время в нужный час, и даже Элина без пылесоса. Позаботьтесь хорошенько о моей подруге, она просто прелесть, и даже больше.

Элина уводит Хельми.

Пекка. Сеппо позвонил и сказал, что ты здесь. Я прощу тебя от себя и от имени брата, оставь нашу мать в покое.

Катя. А где недостающие семь тысяч? Или семнадцать? А может, пятьдесят семь? Я получила в наследство от Тайсто три тысячи, ты принес их в конверте, подписанном твоей рукой. А где остальные двадцать семь?

Пекка. Что за торговля?

Катя. Назовем это масштабным розыском. Что прошептал тебе Тайсто перед смертью?

Входит Элина

Элина. Тебе понравилась юбка, что я тебе послала?

Катя. Юбка? Я ничего не получала. Так, где же мои шестьдесят семь тысяч?

Пекка. Нам пора домой. Приходи к нам завтра после работы, у нас на ужин запеченная рыба.

Элина. Как это не получала? И что это за цифры ты тут называешь?

Пекка. В евро или марках? В марках или рублях? Поговорим об этом завтра за ужином. Элина, там открылся новый обувной магазин, даже кофе угощают, если покупаешь что-нибудь.

Катя. Сука, вот ты кто! Я все знаю!

Элина. Что она говорит?

Пекка. Что завтра увидимся.

Катя. Да пошел ты! Встретимся в аду.

Элина. Извините, что?

Пекка. Эта женщина — сумасшедшая, бред несет какой-то. С ней надо поосторожней. Пойдем!

Входит Марти, за ним идет Карина

Карина. Марти, не уходи от ответа, нельзя же сравнивать отношения двух людей с греблей на байдарке!

Марти. А я никого ни с чем не сравнивал, и что тут вообще за шум?

Пекка. Ничего, мы уже уходим.

Элина. Карина?

Карина. Надо же, дорогие сердцу Куйтунены. (Элине.) Добрый день.

Элина. А это единокровная сестра нашего Пекки.

Катя. Здравствуйте. Я чувствую себя немного не в своей тарелке и говорю не как юрист, а как возможная родственница. Я разговаривала сейчас с твоей матерью, нет, не о родстве, но она упомянула некую сумму. Тайсто умер и оставил в наследство своим детям двести тысяч марок. Не перебивай. Сто тебе, сто Сеппо и три тысячи мне. Следовательно, изначально сумма наследства составляла двести три тысячи марок, так? Или нет? Расскажите мне. Для ребенка в СССР эта сумма была неслыханной, но теперь при но

вом капитализме эту жалкую бумажку можно засунуть разве что комару в задницу, уж простите. А потом мне все-таки очень хотелось бы узнать, что же такое именно мой отец Тайсто прошептал тебе перед смертью. Что мне полагается три тысячи? Разве вас этот вопрос не интересует? Я не обвиняю и не требую денег, мне даже не надо говорить, что сумма на самом деле была больше. Я чувствую это. Так что, золотой мой, не надо врать, терпеть я этого больше не стану.

ПЕККА. Ох, ох, сколько слов! А мы, между прочим, находимся в Божьем храме!

КАТЯ. Может, я и ошибаюсь, извини, конечно. Я без денег и я в отчаянии, типично русская ситуация.

ПЕККА. Хорошо, хорошо. Но, может, мы все-таки пойдем домой?

ЭЛИНА. Нет, нет, все это, слава богу, не касается основного нашего вопроса.

ПЕККА (*Кате*). Это дама из соцслужбы, она решает вопрос об усыновлении.

ЭЛИНА (*Карине*). Сестры и братья все время ссорятся.

КАРИНА. Я сейчас не на службе.

ЭЛИНА. Вы — хороший человек, Карина. Пойдемте с нами. (*Пекке*.) Ты так и не передал ей лиловую юбку. (*Кате*.) Катя, ты все еще работаешь на том фармацевтическом заводе?

КАТЯ. Это твой муж тебе сказал, да?

ЭЛИНА. Да.

КАТЯ. Значит, так оно и есть.

ПЕККА. Это как раз те вопросы, на которые сложно получить однозначный ответ.

МАРТИ. Почему сложно? Ты работаешь на заводе?

КАТЯ. Нет.

МАРТИ. Ах, вот оно что!

ПЕККА. Тебя это не касается!

МАРТИ. Сумма наследства была больше?

ПЕККА. Нет. Пойдем же, Элина. Нам еще в обувной магазин надо зайти.

МАРТИ. Вы собрались в “Плацу”? Что ж, пойдемте все вместе, там по дороге есть банк, заглянем, проверим последние счета Тайсто, а потом купим всем по паре тапочек.

ЭЛИНА. Хорошая идея.

ПЕККА (*обращаясь к Марти*). Как ты можешь во мне сомневаться? Неужели и правда пойдешь в банк?

МАРТИ. Так что же прошептал тебе Тайсто?

ПЕККА. Имя выучил и считаешь, что вправе теперь учинять здесь судилище? Ты не веришь ближнему своему, не веришь члену своей общины.

МАРТИ. Вера ежедневно подвергается испытаниям. Так что тебе прошептал отец?

ПЕККА. Он прошептал: “Убей пастора!”.

[122]

мл 9/2009

Пауза.

МАРТИ. Ну вот и отпала нужда идти в обувной.

ПЕККА. Да что ты знаешь о годах кризиса, ты, пастух пребольшого церковного стада, они тебя вообще никак не коснулись! А я, между прочим, все это время жил в страхе, что завтра меня уволят, потому что государство делало все что хотело.

КАТЯ. Теперь и я понимаю. В такой ситуации как не воспользоваться удобным моментом!

ПЕККА. Вот именно! Вы только послушайте ее! Государства — они же как материки. Когда они приходят в движение, людей просто перемальвает, словно в мясорубке. Бессмысленно отсылать сто тысяч марок несовершеннолетнему ребенку, чья мать совершенно не знает цены деньгам.

КАТЯ. Моя мама никогда не была транжирой, скорее наоборот. Сто тысяч. Надеюсь, вы по-братски их разделили?

ПЕККА. Тут у нас что, судебное разбирательство, что ли?

КАТЯ. У кого-нибудь есть телефон?

Пекка дает телефон, Катя отходит в сторону, звонит.

ПЕККА. Эти деньги в полной сохранности, долгосрочный депозит. На всякий случай. В носке. На черный день. Про запас... Что вы вообще пристали?

МАРТИ. Тогда отдай их ей.

КАРИНА. Марти!

ПЕККА. Вот именно, шел бы в свою ризницу.

ЭЛИНА. Ты говоришь про детский счет? Эти деньги уйдут теперь Кате? На детском счете Катины деньги?

ПЕККА. Не ори, я у нас счетовод! Это деньги на черный день! Неужели вы не понимаете, олухи, что цены на квартиры все время ползут вверх. Рабочие места — иллюзия, мыльные пузыри, сегодня есть, завтра нет! Придет день и Катя получит свои деньги. У нас будет ребенок, Катя устроится на работу, все войдет в свою колею, все наладится, только не надо спешить, дайте мне спокойно во всем разобраться, кому и в каком порядке я должен раздавать мое добро!

МАРТИ. Теперь ты снова на высокой горе, а все остальные у ее подножья, словно муравьи.

ПЕККА. Слышь, ты, гуманист хренов, кого цитируешь, не себя ли?

МАРТИ. Ты окажешь большую честь нашей общине, если покинешь ее.

ПЕККА. Было бы что покидать, а то тоже мне — община! Укрытие от дождя для атеистов среднего класса... Приходят по воскресеньям, чтобы повторить вслед за тобой ничего не значащие распевы да

послушать отрывки из Посланий к Коринфянам... Трутся спинами о деревянные скамейки да тайком поглядывают на часы, скоро ли эта “проповедь” закончится... Если это община, то я Мартин Лютер Кинг. Давайте, девчонки, устроим в церкви дискотеку, как в добрые советские времена. (*Начинает танцевать.*) “Милость, милость, отпущение грехов, милость, милость, отпущение грехов”. Что говорить, лютеране уже давно пытались перенять красочность православия, а скоро, глядишь, вообще облекут слово Божье в более современную визуальную форму – этакий Христос в неоновых огнях. Правильно! Давайте сделаем из церкви мультикультурный и многофункциональный центр. А те, кто сегодня собирают пожертвования, будут завтра продавать билеты у входа: “Вам в бар милосердия или на завтрак к великому грешнику?”

МАРТИ. Ты, Пекка, похоже, только и ждешь того, чтобы я тебя ударил. Но я не ударю, мне не за что тебя бить.

ПЕККА. Конечно, ты ведь стоишь перед лицом ближнего своего.

КАРИНА. Сволочь!

Карина дает Пекке пощечину.

МАРТИ. Теперь уж я тебя точно отсюда вышвырну!

Марти хватает Пекку за грудки.

МАРТИ. Исчезни, скотина!

Открывает дверь и вышвыривает Пекку. Пекка спотыкается и падает на землю. МАРТИ и КАРИНА уходят. Элина поворачивается и тоже собирается уходить. Катя сидит в стороне, сжимая в руках телефон.

ЭЛИНА. Носки, что я тебе связала, они все еще у нас.

КАТЯ. Какие носки?

ЭЛИНА. Что с тобой?

КАТЯ. Вдруг нехорошо стало, но уже полегчало.

ЭЛИНА. Куда ты звонила?

КАТЯ. Пограничникам.

ЭЛИНА. Зачем?

КАТЯ. Прямо нечеловеческая боль.

Катя падает. Элина подхватывает ее.

Сцена семнадцатая

В церкви

МАРТИ обращается к прихожанам.

МАРТИ. Братья и сестры! Сегодня я должен был говорить с вами о Божьей милости, но жизнь внесла свои коррективы и спутала мои планы. Я всего лишь груда костей, воды и мяса, а Библия всего

лишь бумага. И это не проповедь, а скорее это признание. Увы, в Великой Книге не нашлось отрывка, который был бы уместен в данном случае.

Мне нелегко говорить. Я чувствую себя не человеком — былинкой на ветру.

Я всегда думал, что имею реальное представление о том, что это за работа, я знал, какое поле мне предстоит возделывать. Но слова — они как песок. Ими можно прикрыть все что угодно. Однажды я присутствовал на похоронах одного работника налоговой службы. Да простят меня его друзья и родственники, присутствовавшие при этом. Прощаясь с ним, я сказал, что мы знали его как искусного мастера и человека с прекрасным чувством юмора. А покойник на самом деле не умел даже гвоздя вбить в стену, при этом у него полностью отсутствовало чувство юмора. Он поступил на курсы столяров, но бросил их через несколько занятий. Еще я сказал, что он любил собирать грибы и всегда отдыхал душой в осеннем лесу. Но в действительности он вообще природу не любил. За грибами ходил раз в жизни, да и то неудачно. Я говорил много таких слов. В этом мире достаточно песка, чтобы засыпать крышки множества гробов. Но каким этот мир видит тот, кто хоть во что-то верит?

В то же самое время Пекка бродит по железнодорожной станции Вайниккала.

ПЕККА. Есть здесь кто-нибудь? Покажись! Это я, Пекка! Я здесь, в Вайниккале. Покажись! Я видел тебя здесь раньше. Где ты? Эй! Есть здесь кто-нибудь?

МАРТИ. Странно, что, если человек различает черный и белый цвета, его тут же называют ограниченным. Нам совсем не обязательно верить в ту систему, в которой мы живем, наша вера существует вне системы. Теперь все зависит от того, котируются ли наши ценные бумаги и какие мобильники предпочитает современная молодежь. Моя собственная вера с годами изменилась, если это кого-то интересует. Если вначале она была похожа на каменный дом, то теперь это всего лишь сарай. И в его щели может заглянуть любой. Моя вера видна насквозь. Маленьким мальчиком я смотрел сквозь щели сарая и видел перед собой необозримые просторы. Но вчера я вышел на тонкий лед. Не заметил предупреждения. И только метров через пятьсот понял, что это смертельно опасно. Сарай и тонкий лед. Именно по этой причине я прошу освободить меня на некоторое время от исполнения моих обязанностей. Но моя печаль приносит мне и радость. Я хочу быть слабым. Именно поэтому я прошу отпуск, чтобы подумать, хочу и смогу ли я продолжать работать. Это мое признание. Я знаю, что вы ожидали от меня совсем другого признания, полагаю, что я стану объяснять вам, что случилось с нашим грузовиком с гуманитарной помощью на границе. Да, в нем нашли иконы, хрусталь и другие ценности. Водитель спрятал их в грузовике на обратном пути в Финляндию. Я несу полную ответственность за все случившееся, на практике же это означает, что мне не придет-

ся больше просить выходной или отпуск. Сегодня я должен был говорить с вами о Божьей милости. Но когда я думаю о милости, мне почему-то представляется болото. Оно такое же податливое. Хорошего вам дня!

Свет гаснет.

Сцена восемнадцатая

В доме Сеппо

Пекка играет на гитаре. Поет песню собственного сочинения.

Глотку иссушило, есть уже нет мочи.
Не дождусь отлета с этой полосы.
Кости распадутся в прах еще до ночи,
С лепестка исчезнет капелька росы.

Душу онемелую тяжкий грех снедает —
Мир вокруг не значит больше ничего.
Мир, уже отдавший все, снова не одарит,
Незачем надеяться, все уже ушло.

Много мне не нужно, обойдусь и малым,
Только бы спокойствие в сердце обрести,
Если света много, то его не видно,
Только звезд полоска темная вдали.

Пойте громко, птицы! Деревя, шумите
По мечтам несбывшимся деве без венца.
Ничего не надо мне. Только б милость Божью! —
Жажде иссушающей не видать конца.

Входит Сеппо.

СЕППО. Что это за песня?

ПЕККА. О том, что Бога нет.

СЕППО. Куда же это он так быстро испарился?

ПЕККА. Добро пожаловать на свободу. Спасибо, что разрешил переночевать у тебя. Как там было?

СЕППО. Когда семьи нет, все равно, где спать, дома или в камере. Правда, за три дня эти их запеканки надоели просто до смерти.

ПЕККА. Элина отказалась от усыновления.

СЕППО. Что ж, бывает. А где наша русская шляха? Зачем она меня заложила? Я ведь ей ничего плохого не сделал. Только хорошее.

ПЕККА. Так это Катя тебя заложила?

СЕППО. Она. На границе точно знали, какую машину проверять. Они проверили все до последнего винтика. Милиция преследовала меня от самого Волхова. Я придушу ее, как только увижу.

ПЕККА. Думаю, сначала тебе стоит придушить меня.

Пауза.

СЕППО. За что?

ПЕККА. А потом и я придушу тебя.

СЕППО. Да, пожалуйста! Кто начнет?

ПЕККА. Я, наверное. Я получил от отца сто тысяч марок, ты тоже получил сто тысяч. Перед смертью отец прошептал мне, что Кате тоже полагается сто тысяч.

СЕППО. Так он это прошептал? А не про грабли?

ПЕККА. И про них тоже, но последними словами были именно эти. Но про деньги я не сказал.

СЕППО. Не сказал?

ПЕККА. Ну да. Кризис был, да и вообще... короче, вот так.

СЕППО. Значит, утаил. И где же они теперь?

ПЕККА. На долгосрочном депозите.

Пауза.

СЕППО. Хорошо. Она ни евро не получит из этих денег. И все равно не понимаю, как это связано с тем, что она меня заложила.

ПЕККА. Катя решила, что ты тоже принимал во всем этом участие.

СЕППО. Что значит "решила"?

ПЕККА. Ну, потому что я, наверное, был не слишком умен.

Пауза.

ПЕККА. Твоя очередь.

СЕППО. Какая очередь?

ПЕККА. Ты втянул меня в эту идиотскую игру с беспризорником из Петербурга.

СЕППО. Ну и что?

ПЕККА. В последнем письме была приписка: банк "Нордеа", Сеппо Куйтунен, двенадцать семьдесят пятьдесят дефис три ноль девять в семь девять семь шесть. Это же твой номер счета.

СЕППО. Ага.

ПЕККА. Так значит, это тебе я ежемесячно переводил деньги, а не тому мальчику?

СЕППО. Они просто проходили через мой счет. Я таким образом экономил на переводах.

ПЕККА. На твоём столе я нашел черновик письма со словами "Dear Sponsor".

СЕППО. Мальчик не умеет писать.

ПЕККА. Ты хочешь, чтобы я этому поверил?

СЕППО. У тебя просто нет другого выхода.

ПЕККА. Деньги всегда проходят через какую-нибудь организацию взаимопомощи.

СЕППО. В данном случае все было совсем не так.

ПЕККА. В данном случае? У тебя всегда найдется какая-нибудь отговорка. В твоей голове их много. Катя — это Ирина Аперитив. А деньги Ивану должны идти через тебя.

СЕППО. В данном случае они действительно шли Ивану, просто через меня.

ПЕККА. В письмах были ошибки, которые потом кто-то исправлял.

СЕППО. Иван присылал письмо, а потом мы вместе разбирали ошибки. Я учу его английскому.

ПЕККА. И ты хочешь, чтобы я тебе поверил?

Пауза.

ПЕККА. И ты хочешь, чтобы я этому поверил?

Свет гаснет.

Сцена девятнадцатая

Зал в приходском доме

КАРИНА и МАРТИ сидят за столом.

КАРИНА. Уважаемые Куйтунены или уважаемые Куйтунен? В единственном или во множественном числе?

МАРТИ. Поставь во множественном. Я тоже все время путаюсь.

КАРИНА. “Уважаемые господин и госпожа Куйтунены! Ваше прошение об отказе в усыновлении комитетом рассмотрено не было. Вы по-прежнему находитесь в очереди. Вы — неплохая семья”.

МАРТИ. Ты уверена в этом? Вспомни, о чем Пекка говорил.

КАРИНА. Типично финская модель. Первые сорок лет тихо, а потом выговаривается все, что накопилось. Ты же сам на семинаре в Антинпохье выступал против церковной системы.

МАРТИ. Нельзя починить водопровод, не вскрыв трубу. А это всегда шум и грязь.

КАРИНА. Ты что, в самом деле сравнивал нашу церковную систему с Кремлем?

МАРТИ. Речь Пекки заронила во мне зерно сомнения, или, во всяком случае, здорово повлияла на меня.

КАРИНА. “Вы обычная семья, не плохая и не хорошая. Но на наш взгляд именно такие семьи являются лучшими для воспитания детей. Может быть, конечно, в данный момент вы уже и не семья, но я все равно советовала бы вам не отказываться от возможности

усыновления. Последние двадцать лет все только и говорят что о крепких семьях, пришло время поговорить и о неполных”.

МАРТИ. Напиши, что Марти передает Пекке привет.

[128]

ИЛ 9/2009

КАРИНА. Какой привет?

МАРТИ. Напиши, что у меня нет опыта изгнания людей из церкви. Именно поэтому тогда и не справился.

КАРИНА. Может, все же не стоит?

МАРТИ. Про изгнание из церкви?

КАРИНА. Нет, про не справился.

МАРТИ. Наверное, ты права, погорячился. Но напомни Пекке, что следующий урок музыки во вторник. И что теперь мы уже достаточно познакомились, чтобы организовать кружок живого общения.

КАРИНА. Понятно. Что-нибудь еще?

МАРТИ. Напиши, что делать добро напоказ — все равно что делать зло. Бог и так над нами смеется. И так как это неофициальное письмо, подпиши: “С приветом, Марти и Карина”.

КАРИНА. Марти!

МАРТИ. Что?

КАРИНА. Я хочу тебя.

МАРТИ. Ты думаешь?

КАРИНА. Я не думаю, я знаю.

МАРТИ. Вот, значит, до чего мы дошли.

КАРИНА. До чего?

МАРТИ. До нас.

Свет гаснет.

Выходит Элина

Элина. Все, что я хотела, это только немного полежать в грязевых ваннах да купить сапоги от Пертти Палмрута. Сапоги делают женщину женщиной. Ты ведь помнишь об этом? Если подкладка из искусственной кожи, то скоро все суставы тоже станут искусственными. Так я думала, когда снова сидела на той же самой скамейке, однако на этот раз мой муж не опоздал.

Сцена двадцатая

Возле комитета по усыновлению

Элина и Пекка

Пекка. Спасибо, что пришла. Мне до сих пор не верится — наконец-то у нас будет ребенок.

Элина. Но мы не можем его взять.

Пекка. Почему?

Элина. Потому что нас нет.

Пекка. Милая Элина, не говори так. Давай все обсудим спокойно... все наладится.

Элина. Я никак не могу найти Катю. Она сбежала из больницы.

Пекка. Катю? Сеппо сказал, что она уехала болеть домой. У нее тяжелый грипп, гораздо серьезнее обычного. Вирус А.

Элина. Да никакой это не вирус А. Это красная волчанка.

Пекка. Что?

Элина. Да болезнь Катина. В холодных продуваемых помещениях ей становится хуже. Это хроническое воспалительное заболевание, при котором защитная система организма начинает вести себя непредсказуемо, организм как бы восстает против собственных тканей.

Пекка. Откуда ты о ней знаешь?

Элина. В больнице услышала, а потом в медицинском справочнике посмотрела. Теперь я много чего знаю про волчанку. Ей нельзя быть на солнце. Ей надо обеспечить самый лучший уход. Много кортизона. Все это очень дорого. Но если волчанку не лечить, то она может привести к смерти.

Пекка. Поезд в Петербург отправляется через час. Я поеду за ней. Привезу ее обратно, и мы устроим ее в частную клинику.

Элина. Пришли смс, если все будет нормально. В противном случае лучше даже не появляйся. Пора. Наша очередь. Я пойду одна, хорошо?

Пекка. А разве можно одной?

Элина. Карина написала, что можно.

Пекка. Но ведь мы оба писали заявление.

Элина. Я уже не помню, с кем я его писала.

Пекка. Ты писала его с Пеккой, с тем Пеккой, который все перепутал, который подрался с пастором, который не умеет ни петь, ни играть на гитаре, который прячет чужие деньги, незаконно ввозит в страну иконы, но который больше не хочет луны с небес, а хочет стать частью Элининой жизни. С таким вот Пеккой ты и писала заявление.

Элина. Чучело! Ну все, я пошла. А ты давай езжай в Питер.

Пекка. Катя не поедет со мной.

Элина. Попроси Сеппо. Он всегда вел себя с ней как настоящий брат.

Пекка. Когда я приеду, можно мне домой?

Элина. Ты уверен, что тебе это нужно?

Пекка. Уверен.

Элина. Ну вот и езжай.

Свет гаснет.

СЕППО вводит бледную и ослабевшую КАТЮ, ХЕЛЬМИ взбивает постель.

ХЕЛЬМИ. Вот так вот у нас в Финляндии. Улицы полны плюющихся бродяг, у одного нога воспалена, у другого нос как свекла. А ведь это они грипп придумали, точно они. Вирус А. Я же привыкла, что А — это всегда высший класс. Колбаса класса А, ацидофилин, не говоря уж о каютах А на пароме в Швецию. Мы с Тайсто как-то выиграли такой круиз в лотерею. Не надо было всю ночь слушать грохот машинного отделения.

СЕППО. Мама, помолчи. Сходи-ка лучше, купи там внизу в магазине подушки, одеяла и туалетную бумагу.

ХЕЛЬМИ. Нынешние дети всегда готовы к спариванию!

СЕППО. Перестань. Я не для того.

ХЕЛЬМИ (*Кате*). А он все-таки чертовски хорош для Куйтунена, правда?

КАТЯ. Правда, правда, но у меня уже что-то совсем не осталось сил.

ХЕЛЬМИ. Безработный позолотчик куполов, а на уме всё одни цветочки — ну и ну!

Хельми идет к выходу.

СЕППО. Хельми, Катя — дочь Тайсто.

ХЕЛЬМИ. Может, какой-нибудь журнальчик для тебя купить? Что ты сказал? Совсем ничего не слышу, это, наверное, от лекарств, побочный эффект. Ты ведь о журнале говорил, Сеппо?

КАТЯ. О журнале, точно. Купите мне бутылку лимонада, если несложно.

Хельми уходит.

КАТЯ. Разве можно говорить такое пожилому человеку.

СЕППО. Сколько еще всяких тайн и секретов мы должны хранить в этой жизни? Я пригласил тебя сюда, чтобы хотя бы один узел разрубить.

КАТЯ. Может, стоит подождать до лучших времен?

СЕППО. Не будет лучших времен, ты — русская и должна знать это не хуже, чем я.

КАТЯ. Не надо. Я прошу. Сердце Хельми не выдержит.

СЕППО. Может, ты и права. Разрушение не входит в сферу деятельности реставратора. И потом, слишком много всего надо рассказывать. И почему я не исследователь глобальных катастроф?

КАТЯ. В нашем случае государства сближаются друг с другом исключительно из меркантильных соображений. Ты реставрируешь меня, то есть Россию. Приводишь, так сказать, в еврочувство.

СЕППО. До того как стать реставратором, я был санитаром, давным-давно, в старой Финляндии, когда мебель еще делали из дерева.

КАТЯ. Ты, наверное, был хорошим санитаром.

СЕППО. Ты думаешь?

КАТЯ. А что?

СЕППО. То есть ты считаешь, что мне снова стоит вернуться к истокам, стать санитаром?

КАТЯ. Я этого не говорила...

Катя засыпает.

СЕППО. Что ж, неплохой совет. Низкооплачиваемая работа, но зато дополнительные выплаты за дежурства по ночам и в выходные.

Звонок в дверь. Входит Пекка с конвертом в руке.

ПЕККА. Катя.

Катя встает и ищет свою сумку.

КАТЯ. Где моя сумка?

СЕППО. Выслушай Пекку, пожалуйста.

КАТЯ (*обращаясь к Сеппо*). Ты! Ты приехал в Питер и обещал, что я его здесь никогда не увижу! Ты обещал.

СЕППО. Катя, успокойся, ляг.

КАТЯ. Ты — лжец. Отдай сейчас же мою сумку!

ПЕККА. Катя, это я попросил Сеппо привезти тебя. Со мной бы ты не поехала.

КАТЯ. Похоже, я и правда серьезно больна, если уж мешок с дерьмом заговорил в моем присутствии.

ПЕККА (*протягивает конверт*). Вот деньги.

КАТЯ. Подавись ты ими! Где моя сумка? Или это уже тюрьма?

СЕППО. Возьми, пожалуйста, деньги!

КАТЯ. Я не прогнусь перед ним! По крайней мере, в этой жизни. Отдай сумку, кому говорю!

ПЕККА. Подожди, у меня для тебе еще кое-что! (*Ставит на стол банку с солеными огурцами*.) Мама послала тебе эти огурцы. Она передавала тебе привет и просила сказать, что с ней все в порядке.

КАТЯ. Как ты вообще посмел зайти к моей матери? Как ты мог?

СЕППО (*Пекке*). Мы об этом не договаривались. Ты должен был ждать на вокзале и отдать Ивану кроссовки.

ПЕККА. Я отдал их Ивану, а потом ждал на вокзале и не знал, что мне дальше делать. Воздуха не хватало. И тогда я вдруг подумал, что должен отвезти ей деньги. Что-то надо было сделать, но это было неправильное решение, простите. Я поставлю эти огурцы сюда, на край кровати.

СЕППО. Ты же знаешь из финского фольклора про деревню дураков. Наш Пекка как раз оттуда, современный вариант. Возьми же деньги у этого дурачка, пока он не решил, что это гигиенические салфетки.

КАТЯ. Эти деньги Куйтунендов — настоящее дерьмо. Подачка сильного слабому. Из чувства долга, а не по-братски.

ПЕККА. Но я хочу быть твоим братом.

КАТЯ (*сквозь зубы, по-русски*). Тоже мне нашелся братец, подонок!

Входит ХЕЛЬМИ.

ХЕЛЬМИ. Что за шум? О чем это вы тут?

ПЕККА. О том, что если ты кому-то брат, то это равным счетом ничего не значит.

Пауза.

ХЕЛЬМИ. А, так и второй сын тоже здесь. (*Достает покупки из сумки.*) Вот, купила подушки, простыни, шаль. Столько бонусов вдобавок получила, что теперь точно получу форму для печки, которую они так рекламируют. А это что такое?

КАТЯ. Соленые огурцы, приготовленные по уникальному рецепту.

ХЕЛЬМИ. Можно попробывать?

КАТЯ. Конечно.

Хельми пробует огурец из банки.

ХЕЛЬМИ. Да они просто изумительные, слов нет. Тайсто всегда привозил из России вот точно такие же. Два раза в год они появлялись на нашем столе. И это всегда был настоящий праздник. А кто их делает?

КАТЯ. Моя мама.

Пауза.

ХЕЛЬМИ. Передай маме, что они очень вкусные. (*Пекке.*) Ты несколько раз мне звонил. Я не слышала. У тебя какое-то важное дело?

ПЕККА. Потом скажу.

ХЕЛЬМИ. Спасибо. Пойду сделаю Кате чаю. И нам заодно.

Хельми уходит на кухню.

ПЕККА. Неужели я ничего не могу сделать как положено?

КАТЯ и СЕППО (*в один голос*). Не можешь.

Пауза. Пекка с опаской поглядывает в сторону кухни.

СЕППО. Что там происходит?

ПЕККА. Она посуду моет. (*Пауза.*) А теперь садится за стол.

Пекка что-то видит и бросается на кухню. Через мгновение врывается обратно.

ПЕККА. Шаль, она хочет шаль.

СЕППО. Я отнесу.

ПЕККА. Нет, двое — уже перебор.

Бросается на кухню. Возвращается.

ПЕККА. Сумочку, дайте сумочку! Там лекарство!

Сеппо открывает сумочку.

КАТЯ. Мне уйти?

ПЕККА. Нет. Ты уйдешь отсюда последней.

СЕППО. Здесь нет нужных лекарств, нет лекарства от сердечного приступа, баночка пуста, она забыла ее наполнить. Это не то, совсем не то.

ПЕККА. Дай хотя бы что-нибудь.

Пекка убегает на кухню. Возвращается.

ПЕККА. Теперь все в порядке. (*Стоит у дверей, наблюдает.*) У нее озноб. Ее всю трясет!

Пекка и Сеппо бросаются на кухню. Хельми выходит к ним навстречу.

ХЕЛЬМИ. Я плакала там на кухне. Последний раз я плакала, когда Мауно Койвисто переизбрали на второй срок. Тогда это были слезы радости. Расчувствовалась. Чуть сознание не потеряла. Да уж, в наше время без потерь никуда. “Душевный покой”. Черта с два! Конечно, я с самого начала догадывалась, что ты не за запчастями для “лады” сюда приехала. (*Протягивает руку Кате.*) Здравствуй.

КАТЯ. Нет. То есть да, приехала... Я приехала поздороваться.

ХЕЛЬМИ. Здравствуй, здравствуй. Еще одна ноша под конец.

СЕППО. Зачем ты отнес ей не то лекарство?

ПЕККА. Потому что я всегда все делаю не то.

ХЕЛЬМИ. Ты все сделал правильно, молодец. Все, что я просила. Даже обнял. И нос утер. И дал не то лекарство. Молодец! Я без твоей помощи не обошлась бы.

КАТЯ. Прямо действительно, как настоящий санитар.

СЕППО. Но как же, ведь это же не то лекарство?

КАТЯ. Лекарство как лекарство. Главное, вовремя под язык положить.

СЕППО. Я не понимаю... я беспокоился... Черт бы вас побрал.

КАТЯ. Сразу никто ничего не помнит и не умеет! Никто.

СЕППО. Но ведь он сумел. Проводник.

ПЕККА. Это я случайно таким хорошим оказался. А может, он именно об этом и говорил?

СЕППО. Кто говорил? Что?

Пекка. Ну этот, Бог, я тебе о нем немного рассказывал.

Хельми. А по телевизору скоро будут новости.

Пекка. Не уходи. Бог создал этот мир быстро, всего за шесть дней. И только потом стал смотреть, что же такое у него получилось. Некоторые творения оказались очень даже удачными: слон, лев, лебедь, кошка, собака. Потом он вдруг заметил, что некоторые виды павианов, как бы это сказать, в общем, сделаны, что называется, тяп-ляп. Ну а еще сильнее испортил впечатление человек. Но Бог, он был хитрый. Он решил стать невидимым. И тем самым задал нам всем довольно сложную задачу. Теперь человека постоянно одолевают сомнения, есть там все-таки кто-то или нет. Вот и я стал думать, что там такое было в Вайниккале — Бог или что-то другое? Может, это всего лишь отражение придорожных фонарей. Может, я сам заставил себя поверить, и какая же это тогда вера? Бог невидим, и в этом вся проблема. Хельми, мы с Сеппо наделали просто кучу ошибок. Животные инстинктивно ощущают то, что их окружает. Олени в саванне одним взглядом способны оценить, где может быть еда, а где скрывается опасность. Муравьи точно определяют, где находится следующая сосновая иголка, и умеют реально оценить свои силы — донесут, типа, или нет. Я ведь подумал тогда, когда получил в глаз от пастора, о том, что мы все похожи на стаю журавлей. В нашем случае я вожак, который летит первым и который почему-то вдруг стал воспроизводить хаотичные движения “Финнэйра”. В стае нельзя импровизировать без предупреждения, ведь это из-за резкой смены направления наш реставратор рухнул вниз. Но Бог не может взять и вмешаться в игру и все в один миг исправить. Это наша с Сеппо задача, а Бог, он...

Катя. Не то лекарство.

Пекка. Думаю, что он часто для многих не то лекарство. Если о нем вспоминают, только когда приходит беда, когда срочно нужно что-то получить, то это не то. Бог, он невидимый, и он...

Катя. Путин...

Пекка. Катя поднимает интересные теологические вопросы. Давайте подумаем. Если Бог — это Путин или...

Катя. Брежнев...

Пекка. Или Брежнев, или вообще все равно кто — знаменитость, известный политик или руководитель. Тогда бы мы делали все, чтобы он обеспечил нам место на небесах. Но Бог — это...

Катя. Окно с утеплителем.

Хельми. Ну наконец-то! Хотя кто-то вернулся с неба на землю. Окно, или меченый, или даже беспальный... Да пойми же ты, Бога нет.

Пекка. Его нет, и он есть. В этом-то и соль. Он оставил нас в неведении. Он заставляет нас каждый день делать выбор, об этом Катя и пытается сказать...

Хельми. Нет, ты не понимаешь, Катя пытается сказать, что...

Пекка. Это ты не понимаешь, Катя хочет только сказать, что...

СЕППО. Это вы не понимаете, она же бредит! У нее жар.

Хельми и Пекка подходят к кровати. Смотрят на Катю, которая мечется в бреду.

КАТЯ (*в бреду*). Построили во времена Брежнева. Но Путин обещал отремонтировать.

ХЕЛЬМИ. Что? Что он обещал отремонтировать?

СЕППО. Ее квартиру в Питере.

ХЕЛЬМИ. Боже мой, да она же вся горит. Пекка, принеси мокрое полотенце.

КАТЯ. Кто здесь?

СЕППО. Это Сеппо, Хельми и Пекка.

КАТЯ. Сеппо, Хельми и Пекка. Что вы здесь делаете?

СЕППО. Мы все тут, с тобой, в моей квартире.

КАТЯ. И Хельми?

ХЕЛЬМИ. Да.

КАТЯ. Такая тихая... Что случилось, Хельми?

ХЕЛЬМИ. Что случилось? Нет, ничего. Хельми посто задумалась о том, что же на самом деле натворили ее дети. И еще она думает, что, наверное, совсем не будет скучать по этому миру.

КАТЯ. Неправда, еще как будешь.

ХЕЛЬМИ. Ну, разве что по подснежникам. Им я скажу: "Пока, мои дорогие!" Черным дроздам скажу: "Пойте, мои дорогие!" А детям скажу: "Живите, мои дорогие!"

КАТЯ. Сеппо, давай весной отвезем Хельми в Петербург, она должна услышать, как на Неве начинается ледоход.

СЕППО. Не знаю, поедет ли Хельми, если у нее так сердце шалит.

КАТЯ. Раз шалит, поедем на поезде.

ХЕЛЬМИ. Ну если только Пекка достанет нам билеты в первом классе и у окна.

КАТЯ. Достанет. Случайно он может сделать все что угодно. Пекка случайно был хорошим, а ветер случайно подмел всю улицу.

Пауза.

СЕППО. Заснула.

Пауза.

ПЕККА. Оказывается, и у тебя, мама, внутри — совсем другой мир.

ХЕЛЬМИ. С чего это ты?

ПЕККА. А иначе ты не стала бы так красиво прощаться с подснежниками и дроздами.

ХЕЛЬМИ. Возможно.

КАТЯ. Жарко! Унесите, унесите огненные шары.

СЕППО. Какие шары?

КАТЯ. Унесите.

Пекка обхватывает воздух, изображает, будто взял огненный шар.

ПЕККА. Этот?

КАТЯ. Да.

ПЕККА. И этот?

КАТЯ. Да.

ПЕККА. Я выброшу их в окно.

Делает вид, что выбрасывает шары в окно.

ПЕККА. Ну вот, выбросил.

КАТЯ. Не обжегся?

ПЕККА. Нет, только чуть-чуть.

КАТЯ. Спасибо.

ПЕККА. Пожалуйста.

Катя засыпает.

Сцена двадцать вторая

Катя, Элина и Сеппо смотрят на детскую колыбель, сделанную из старого стула.

ЭЛИНА. Даже не верится.

КАТЯ. Я же говорила, что все получится.

ЭЛИНА. Говорила, говорила, но кто же знал, что так замечательно. Это же просто чудо!

КАТЯ. Вот слышишь, что говорит Элина! (*Элине.*) Он ведь совсем не верит в свои силы.

ЭЛИНА. В жизни не видела такой великолепной работы, за это можно и заплатить.

Протягивает деньги.

СЕППО. Ну... я даже не знаю... хорошо, раз понравилось.

КАТЯ (*обращаясь к Сеппо*). Твой первый клиент, что скажешь?

СЕППО. Едем в Питер и идем в пиццерию с Иваном!

КАТЯ. Правильно!

Сеппо и Катя уходят

ЭЛИНА. Это был Сеппо и его сестра Катя. Такая вот мозаика. И еще одна деталь. Тут недавно у нас появился странный человек. Я не

знаю, заметил ли ты, но однажды он починил горку на детской площадке, как раз перед тем, как ты на нее забрался. Думаю, он еще придет, чтобы подуть на коленку, если ты упадешь, или развязать узелок на скакалке. Все это он будет делать почти незаметно, тайком. Но ты его не бойся. Когда-нибудь я приглашу его к нам в гости, и, может быть, он останется до утра, но ты и тогда не бойся. Я рассказываю тебе о нем не для того, чтобы ты думал, что это твой папа. А просто потому, что именно сейчас мне больше не о чем тебе рассказать.
